



ДЖЕССИ ХОЛМС Покровители

«Превосходная история о сильных характерах, о ведовстве и о борьбе за право быть услышанными».

ДЖЕССИ БЕРТОН, автор бестселлера
«МИНИАТЮРИСТ»

Стейси Холлс

Покровители

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35732838
Покровители / Стейси Холлс: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105317-8*

Аннотация

Англия, начало XVII века.

Флитвуд живет в старинном фамильном замке, она замужем уже четыре года, но у нее с супругом до сих пор нет детей. Отчаявшись, она призывает к себе загадочную девушку Алису, с которой однажды познакомилась в лесу. Флитвуд верит, что Алиса знает, какие травы ей пить, чтобы выносить и родить здорового ребенка.

Но вскоре в округе разворачивается судебное дело против ведьм, и Алиса попадает под подозрение. Одним из доказательств служит то, что у каждой колдуньи есть волшебные духи-покровители, или фамильяры.

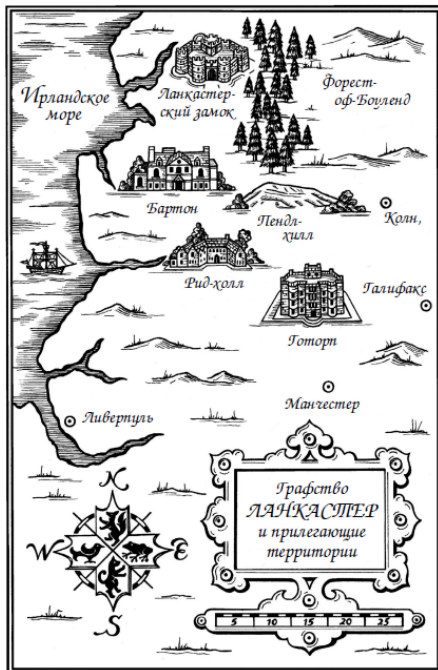
Алису ждет виселица, но Флитвуд пытается спасти ее от страшной участи. Ради этого она отправляется глубоко в лес, где сталкивается с собственными страхами и... удивительными животными.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|-----|
| Часть 1 | 5 |
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 14 |
| Глава 3 | 30 |
| Глава 4 | 50 |
| Глава 5 | 80 |
| Глава 6 | 96 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 116 |

Стейси Холлс Покровители

Посвящается моему мужу



Часть 1

Графство Ланкастер (ныне Ланкашир), начало апреля 1612 г.

*Будь неизменно полон сил,
ибо иначе ловчая птица
Недолго будет послушна твоим приказам,
вынудив тебя подчиняться ей.*
Книга о соколиной и ястребиной охоте
Джордж Тербервиль (1543–1597).

Благоразумие и правосудие.
Девиз рода Шаттлвортов

Глава 1

Не зная, как лучше поступить, я вышла из дома, прихватив с собой письмо. Газон, еще влажный от поздней утренней росы, быстро промочил мои любимые розовые шелковые туфельки, ведь в спешке я и не подумала надеть паттены¹. Но я продолжила путь и вскоре скрылась за деревьями, окружавшими газоны перед фасадом особняка. Я еще раз развер-

¹ Паттены – башмаки на деревянной подошве с железным ободом, надевавшиеся поверх обычной обуви для ходьбы по грязи.

нула зажатое в руке письмо, желая убедиться, что его содержание не приснилось мне, пока я отдыхала в кресле.

Нынешнее утро выдалось холодным и туманным, освежающий ветер слетал с Пендлского холма, и, хотя душа моя пребывала в смятении, я не забыла захватить плащ из гардеробной. Рассеянно приласкав Пака², я с удовольствием отметила, что руки у меня не дрожат. Я не рыдала, не хлопнулась в обморок, а всего лишь сложила обратно в конверт прочитанное послание и спокойно спустилась по лестнице. Никем не замеченная, я, проходя мимо кабинета Джеймса, мельком увидела его, сидящего за столом. У меня мелькнула мысль, что он тоже мог прочитывать это письмо, поскольку, будучи управляющим, обычно вскрывал личную корреспонденцию своего господина, но, моментально отбросив эту мысль, я вышла из дома на парадное крыльцо.

Облака, цвета оловянных кувшинов, грозили пролиться дождем, поэтому я поспешила по газону к деревьям. Я понимала, что мой черный плащ отлично выделяется на зеленом газоне и может привлечь внимание любопытных слуг, припавших к окнам, а мне хотелось спокойно все обдумать. Леса в нашей стороне Ланкашира перемежались холмами и болотистыми низинами, и над ними простирались обычно серые небеса. Иногда между деревьями мелькали и мгновенно исчезали рыжеватые олени или голубые шейки фазанов.

² Пак – проказливый чертенок, один из главных персонажей комедии У. Шекспира (1564–1616) «Сон в летнюю ночь».

Еще не войдя под лесную сень, я вновь почувствовала тошноту. Расставшись с заполнившей рот рвотной массой, я аккуратно подобрала подол волочившейся по траве юбки и вытерла рот носовым платком. Прачки Ричарда сбрызгивали их розовой водой. Закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов и, когда почувствовала себя немного лучше, вновь взглянула на зеленеющие травы. Углубляясь в лес, я видела, как трепещут на ветру деревья, слышала веселый птичий щебет, и вскоре массивное здание Готорп-холла совсем скрылось из вида. В этих краях наш особняк, построенный из теплого желтоватого камня на расчищенном от леса участке, привлекал внимание не меньше, чем я сама. Но хотя этот дом не скрывал от вас такого близкого, казалось, видного из окон леса, сам этот лес отлично скрывал вас от Готорп-холла. Порой мне казалось, что они играют друг с другом в прятки.

Наконец я опять развернула письмо, разгладила смявшуюся в кулачке бумагу и нашла потрясший меня абзац:

«Вы можете легко догадаться об истинной природе опасности, угрожающей вашей жене. С печальным сожалением я сообщаю вам свое профессиональное мнение как сведущего в сфере деторождения врача: в результате моего последнего визита к ней в пятницу на прошлой неделе я пришел к глубоко прискорбному заключению, что она не способна вынашивать детей. Полагаю, вам чрезвычайно важно понять то, что если ей вновь придется рожать, то она не переживет

родов и ее земная жизнь завершится».

Теперь, оказавшись в лесном уединении, я позволила себе отчасти проявить тайные чувства. Сердце мое бешено колотилось, щеки пылали. К горлу опять подступила тошнота, и я едва не задохнулась от едкого, обжигающего язык привкуса.

Недомогания мучили меня целыми днями, и утром, и днем, и вечером, выворачивая наизнанку все мои внутренности; число приступов тошноты доходило до сорока раз на день, а если меня тошнило всего дважды, то я чувствовала себя счастливой. У меня даже сосуды полопались на лице, оставляя красные пятнышки вокруг дьявольски покрасневших глаз. Теперь ужасно противный привкус надолго останется во рту, удушающе едкий и острый, точно лезвие ножа. Никакая еда во мне не задерживалась. Хотя у меня и аппетит начисто пропал, к большому огорчению нашей кухарки. Даже большие плитки моего любимого марципана лежали нетронутыми в кладовой, а присланные из Лондона банки леденцов покрылись пылью.

Предыдущие три раза я не страдала от таких недомоганий. На сей раз, видимо, растущий во мне ребенок пытается вырваться на свободу из моего горла, а не между ног, как в других случаях, когда он покидал меня преждевременными красными потоками, струящимися по ногам. Кровавые сгустки выглядели безобразно, и я видела, как их заворачивали в салфетки, словно свежий хлеб.

«Не жилец он на белом свете, бедный малютка», – про-

ворчала последняя повитуха, вытирая мою кровь со своих больших, как у мясника, рук.

За четыре года семейной жизни случились три беременности, но в дубовой колыбельке, подаренной нам с Ричардом на венчание моей матерью, так и не появился наследник. Она смотрела на меня с таким укором, словно я была виновата в том, что все они покидали мое чрево раньше времени.

И все-таки я не могла понять, знал ли Ричард о мнении доктора, видя, как я набираю вес, точно индейка к Святкам. Это письмо лежало в пачке других посланий, связанных с моими тремя предыдущими беременностями, поэтому, возможно, он и пропустил его. Либо счел за лучшее скрыть его от меня? Внезапно строчки с заключением врача, казалось, вылетели со страницы и обмотались петлей вокруг моей шеи. Причем написал их человек с неизвестным мне именем, видно, страдая тогда от жуткой боли, я не смогла осознать ни его прикосновений, ни голоса, ни того, как он выглядел.

Не переводя дух, я продолжала стремительно углубляться в лес, и мои домашние туфельки совсем промокли и позеленели от травянистой грязи. Когда одна из них окончательно развалилась и я почувствовала под шелковым чулком неровности сырой земли, остатки выдержки покинули меня. В сердцах я скомкала злосчастное письмо и изо всех сил швырнула его в какие-то кусты, испытав легкую радость от того, что оно отскочило от ствола дерева в нескольких ярдах от меня.

Если бы я не сделала этого, то могла бы не заметить кроличью лапку совсем рядом с местом, где упало скомканное письмо, не заметила бы и кроликов – вернее, даже того, что от них осталось: изодранных и окровавленных меховых тушек. Мне доводилось охотиться на кроликов; но этих зверьков убили не ястребы или соколы, птицы наносят аккуратную смертельную рану и тут же улетают обратно к своему хозяину. Чуть погодя я заметила и еще кое-что: подол стелившейся по земле бурой юбки, коленопреклоненную фигуру, лицо, белый чепец. Молодая женщина, стоявшая на коленях, пристально смотрела на меня. Все в ней выдавало настороженность и какое-то дикое напряжение. Она была бедно одета: в домотканом шерстяном платье без фартука, поэтому я и не сразу разглядела ее среди зелени деревьев и кустов. Из-под ее чепца струились локоны льняных волос. На удлинённом узком лице горели глаза, цвет их привлекал внимание даже на расстоянии: теплый и золотистый, они светились, точно новенькие золотые монеты. Взгляд девушки горел живым, почти как у мужчин, умом, и, хотя я стояла, а она припала к земле, на мгновение я испытала страх, словно именно она застучала меня за каким-то предосудительным занятием.

В ее руках болталась тушка второго кролика, устремившего на меня свой застывший глаз. Его шкурка испачкалась в крови. На земле, рядом с подолом юбки, лежал открытый, грубо сшитый мешок. Девушка встала. Ветер шелестел ли-

ствиями и травой вокруг нас, но она застыла в неподвижности с непроницаемым выражением лица. Только мертвая тушка слегка покачивалась в руке.

– Кто ты? – спросила я. – Что здесь делаешь?

Ничего не ответив, она принялась складывать тушки в свой мешок. Мое скомканное письмо ярко белело на фоне кровавой резни, и она помедлила, увидев его; ее длинные, испачканные в крови пальцы застыли в воздухе.

– Подай его мне, – отрывисто приказала я.

Взяв письмо, она протянула его, не сходя с места, и я, сделав пару широких шагов, выхватила листок. Она не сводила с меня своих золотистых глаз, и я подумала, что никто из незнакомцев еще не смотрел на меня с таким упорством. На мгновение я представила, как странно, должно быть, выгляжу, без уличных башмаков, с застрявшей в грязи туфелькой. Мое лицо, наверное, пылало после приступов тошноты, и белки глаз могли покраснеть. А от едкого и кислого привкуса у меня все еще саднило язык.

– Как тебя зовут?

Она молчала.

– Ты нищенствуешь?

Она покачала головой.

– Это мои владения. Ты незаконно убила кроликов в моем лесу?

– Ваши владения?

Звук ее голоса разрушил несуразность этой сцены, точно

галька, брошенная в пруд. До меня наконец дошло, что она просто обычная деревенская девушка.

– Меня зовут Флитвуд Шаттлворт, я – владелица Готорп-холла. Это усадьба моего мужа; если ты из Падихама, то должна знать его.

– Не из Падихама, – коротко ответила она.

– Тебе известно, какое наказание полагается за охоту в чужих владениях?

Она оценивающе глянула на мой плотный черный плащ, на выглядывающее из-под него платье из бронзовой тафты. Я понимала, что мои черные волосы усугубляют и без того болезненную бледность моего лица, однако не желала, чтобы мне напоминала об этом какая-то незнакомка. На вид она выглядела старше меня, но я не смогла сообразить, сколько же ей на самом деле лет. Ее грязное платье, похоже, давно не чистили и не проветривали, как и чепец сероватого цвета пыльной овечьей шерсти. Но тут наши взгляды встретились, и я осознала, с каким спокойствием и гордостью она взирает на меня. Нахмурившись, я вздернула подбородок. Учítывая, что рост мой составлял всего лишь четыре фута и одиннадцать дюймов³, в любом обществе я вечно оставалась самой маленькой, однако напугать меня было совсем нелегко.

– Мой муж привяжет тебя за руки к своей лошади и оттащит к судье, – заявила я с самоуверенностью, хотя вовсе ее не испытывала.

³ Около 125 см.

Она не произнесла ни слова, тишину нарушили лишь шелест веток да трепет листвы.

– Так ты – нищая? – снова спросила я.

– Нет. – Она протянула мне мешок. – Заберите их. Я не знала, что забрела в ваши владения.

Ответ прозвучал странно, и я подумала, что смогу рассказать об этом Ричарду. Потом, вспомнив о письме, я сжала его покрепче.

– Как ты убила их?

– Я не убивала. – Она шмыгнула носом. – Просто нашла их уже убитыми.

– У тебя странная манера разговора. Ты можешь назвать мне свое имя?

Едва договорив, я успела лишь заметить золотисто-коричневый промельк развернувшейся и убежавшей в лес девушки. Ее светлый чепец мелькал между стволами деревьев, мешок подскакивал на боку. Она бежала уверенно и проворно, словно молодая олениха, и быстро скрылась из виду.

Глава 2

Звук кошелька на ремне Ричарда сопровождал его повсюду. По-моему, это придавало ему ощущение могущества – звон его денег слышался до того, как вы лицезрели их хозяина. Вот и сейчас, услышав знакомое позвякивание и поступь его лайковых башмаков по ступеням, я глубоко вздохнула и смахнула воображаемую пылинку с рукава. Я поднялась с кресла, когда он вошел в комнату, бодрый и воодушевленный своей деловой поездкой в Манчестер. Его золотая серьга блеснула в луче солнечного света, серые глаза озаарились радостью.

– Флитвуд, – приветливо произнес он, обнимая ладонями мою голову.

После его поцелуя я сразу прикусила губу. Не подведет ли меня голос? Мы стояли в гардеробной, он знал, естественно, что именно здесь сможет найти меня. Только в этой комнате я чувствовала себя хозяйкой, хотя мы стали первыми новоселами Готорпа. На мой взгляд, проектируя этот особняк, дядя Ричарда избрал на редкость современный подход, придумав и помещение для нарядов, хотя сам жил холостяком. Разумеется, если бы дома придумывали женщины, они уделили бы также особое внимание планированию кухонных помещений. Угольно-черный каменный дом моих родителей высился под тоскливыми серыми небесами, поэтому, прие-

хав сюда, в Готорп-холл, построенный из теплого желтоватого камня, словно вечно озаренного солнцем, с тремя этажами, поблескивающими стеклами окон, и с возвышающейся посередине башней, я почувствовала себя скорее заезжей принцессой, чем хозяйкой. Ричард провел меня через лабиринт комнат и узких коридоров и от изобилия полированных панелей, свежей штукатурки и толп декораторов, плотников и прочих слуг я пришла в такое потрясение, что у меня даже голова закружилась. Я предпочла жить под самой крышей, чтобы никому не мешать. Если бы у меня появился малыш, или мне приходилось спускаться с ребенком к завтраку, я выбрала бы другие покои, но пока детей у нас нет, я продолжаю жить в своих верхних комнатах с гардеробной, откуда открывается красивый вид на быстротекущие воды реки Колдер и Пендл-хилл.

– Опять беседовала со своими нарядами? – шутливо спросил он.

– Они мои постоянные спутники.

Пак, мой здоровенный бордоский дог, поднялся с турецкого ковра, потягиваясь и зевая во всю пасть, такую большую, что в нее могла поместиться моя голова.

– Привет, грозный страж, – сказал Ричард, присев на корточки рядом с собакой, – недолго тебе осталось быть единственным объектом нашей любви. Скоро придется поделиться. – Он вздохнул и опустил на колени, уставший от долгой скачки. – Как вы себя чувствуете? Хорошо ли отдохнули?

Я кивнула, заправив под капор выбившуюся прядь волос. Последнее время, причесываясь, я стала замечать, что мои черные волосы выпадают целыми клоками.

– Вы беспокоитесь. Не надо... Не о чем...

– Да, все хорошо.

«Письмо. Спросить ли его о том письме?» Эти слова вибрировали у меня в горле, точно стрела, удерживаемая в натянутом луке, однако на красивом лице Ричарда не отразилось ничего, кроме облегчения. Я слишком долго удерживала его взгляд, осознавая, как благоприятная возможность для вопроса исчезает, просачиваясь, точно песок сквозь пальцы.

– Вот и славно, и в Манчестер я съездил удачно. Джеймс обычно полагает, что в таких поездках ему следует сопровождать меня, но я вполне успешно обхожусь и без него. Вероятно, его расстраивает только то, что я забываю записывать денежные поступления; но я заверил его, что они так же надежно, как и в кошельке, хранятся и в моей голове. – Он помедлил, не обращая внимания на обнюхивающего его Пака. – Так у вас нынче все спокойно?

– Ричард, я прочитала сегодняшнее письмо от повитухи. И последнее послание от врача.

– О, как хорошо, что вы напомнили мне.

Он порывлся за пазухой своего изумрудного бархатного дублета, его лицо озарилось каким-то мальчишеским волнением. Я ждала, и вот, вытащив руку, он положил мне на ладонь странный сувенир. Маленькая, длинная, как нож для

открывания писем, серебряная шпага с блестящим золотым эфесом. Но кончик ее был тупым, с него на крючочках свисали крошечные шарики. Подняв красивую безделушку, я услышала тихий мелодичный перезвон.

— Это ведь детская погремушка. — Лицо его озарилось сияющей улыбкой, он встряхнул игрушку, и она зазвенела, словно упряжка лошадей, подбегающая к конюшне. — Взгляните на колокольчики. Будут веселить нашего сына.

Он даже не пытался приглушить прозвучавшее в голосе страстное желание. Я вспомнила о запертом на ключ ящике в комодке одной из спален. Там хранились полдюжины вещей, купленных им в других поездках — шелковый кошелек с нашими инициалами, уместающаяся на ладони лошадка из слоновой кости. В большой галерее появились новые доспехи, приобретенные Ричардом для празднования того дня, когда впервые мы осознали, что у меня начал расти животик. Его вера в рождение нашего ребенка была светлой и мощной, как полноводный речной поток. Даже торгуя шерстью в Престоне, он заезжал к торговцу, продававшему миниатюрные фигурки животных, а в лавке нашего портного приглядел рулон шелка жемчужного оттенка. В последнем случае он просто не знал, родится ли у нас сын или дочь, и я ни о чем, естественно, его не просила, поскольку пока еще не стала матерью. Каждый его подарок становился напоминанием о моих выкидышах, и мне порой хотелось бросить все эти вещи в горящий камин и смотреть, как дым исчезает в ды-

моходе и рассеивается в небе. В то же время я задумывалась и о том, где могла бы оказаться без моего супруга, и сердце мое переполняла печаль, ведь он подарил мне новую счастливую жизнь, а я потеряла уже трех нерожденных детей, их души исчезли, развеялись в воздухе.

– Ричард. – Я решилась на вторую попытку. – Вы ничего не хотите сообщить мне?

Блеснув серьгой, он внимательно взглянул на меня. Пак зевнул и опять улегся на ковер. Где-то на нижнем этаже басовитый голос призывно выкрикнул имя Ричарда.

– Внизу ждет Роджер, – пояснил он, – мне пора спуститься к нему.

Стремясь избавиться от нового подарка, я отложила погремушку на кресло, позволив любопытному носу Пака обнюхать ее.

– Значит, и мне придется спуститься?

– Я поднялся сюда, чтобы переодеться; мы собираемся на охоту.

– Но ведь целое утро были в седле?

– Охота – не скачки, а охота, – с улыбкой ответил он.

– Тогда я с вами.

– А вы чувствуете в себе достаточно сил?

Улыбнувшись, я окинула взглядом свои наряды.

– Флитвуд Шаттлворт! Подумать только, вы такая бледненькая! – пробасил Роджер с другого конца конного двора. – Ваше личико белее самого белого подснежника, но вдвое его прекраснее. Ричард, вы что, не кормите свою суругу?

– Роджер Ноуэлл, вы умеете польстить даме, – с улыбкой заметила я, выпрямляясь в седле.

– Судя по наряду, вы тоже решили поохотиться. Неужели вы уже завершили все подходящие леди утренние занятия?

Высокий и полный, он вспрыгнул на свою лошадь, вопросительно приподняв седую бровь, а его звонкий раскатистый бас отдавался эхом от каждой балки и угла конного двора.

– Я предпочла провести время с моим любимым судьей.

Тройка наших лошадей вышла из конюшни, я пока ехала между мужчинами. Роджер Ноуэлл был приятен в общении, но я, выросши практически без отца, признаться, поначалу слегка побаивалась его. По летам своим он как раз годился в отцы и мне, и Ричарду – вернее, даже в дедушки – и, поскольку оба наших отца давно умерли, Роджер начал подружески опекать нас, когда Ричард унаследовал Готорп. На следующий день после нашего прибытия он заехал к нам на своей лошади, привезя трех фазанов, и задержался на целый день, посвящая нас в положение здешних дел и заочно озна-

комив со всеми достойными обитателями ближайших поместий. Мы впервые попали в эти края Ланкашира, с его зелеными холмами и темными лесами, и к тому же никого здесь не знали, а Роджер обладал обширными познаниями. Благодаря его знакомству с давно ушедшим в мир иной дядюшкой Ричарда, который в свое время служил судьей в Честере и впервые обеспечил связь семьи с королевским двором, Роджер мог сказать, что давно знал Шаттлвортов, и обосновался в нашем доме с той же естественностью, с какой мы воспринимали всю унаследованную обстановку. Правда, мне он понравился с первого взгляда. Подобно свече, он ярко горел, и когда бы он ни появлялся в нашем доме, его переменчивое и живое, точно язычки пламени, настроение, обеспечивало нам сердечное тепло и полезные знания.

– Последняя новость из дворца: похоже, король наконец нашел жениха для своей дочери, – провозгласил Роджер.

Услышав наше приближение, гончие на псарне уже безудержно рвались на свободу, и едва их выпустили, принялись радостно кружиться вокруг лошадиных ног.

– Кого же?

– Фридриха V Пфальцского, графа палатина Рейнского. Он собирается прибыть в Англию в нынешнем году и, надо надеяться, положит конец параду фигляров, претендовавших на руку принцессы.

– Вы поедете на свадьбу? – спросила я.

– Надеюсь. Вероятно, это будет грандиозное зрелище, ка-

кого уже много лет не видели в королевстве.

– Интересно, какое у нее будет свадебное платье, – невольно высказала я сразу пришедшую мне в голову мысль.

Из-за лая собак Роджер меня не услышал, они с Ричардом, уже поглощенные охотничьим азартом, выехали со двора. Видя, что гончих пока держат на привязи, я догадалась, что мы будем преследовать оленя, и пожалела, что сама напросилась с ними. Загнанный олень с роскошным рогом и большими затравленными глазами являл собой не самое приятное зрелище; я предпочла бы, пожалуй, видеть на его месте любое другое животное. Мне захотелось вернуться домой, но мы уже углубились в лес, и поэтому, слегка сжав ногами бока лошади, я догнала мужчин. Эдмунд, помощник псаря, поигрывая кнутом, скакал рядом с гончими. Когда мы выехали из-за деревьев, до меня донеслись обрывки их тихого разговора, и я, безмолвно следуя за ними, рассеянно слушала. Из памяти внезапно всплыла недавняя встреча: пролитая кровь, остекленевшие глаза кролика и странная золотоволосая женщина.

– Ричард, – вмешалась я в разговор мужчин, – вчера в наши владениях видели нарушителя.

– Что? Где?

– К югу от замка, в лесу.

– Почему Джеймс не сообщил мне?

– Потому что я ничего ему не сказала.

– Так это вы заметили его? Что вы там делали?

– Я... вышла прогуляться.

– Я же говорил вам не выходить одной; вы могли заблудиться или упасть и... ушибиться.

Роджер прислушивался к нашему диалогу.

– Ричард, я чудесно прогулялась. К тому же я заметила не мужчину, а женщину.

– Что она там делала? Заблудилась?

И тут я осознала, что не могу рассказать ему о кроликах, поскольку сама толком не понимаю, что же я видела на самом деле.

– Видимо, да, – помедлив, ответила я.

– У вас, Флитвуд, должно быть, бурное воображение, – с радостным облегчением заметил Роджер, – мы уж едва не подумали, что в лесу на вас напал какой-то варвар, хотя на самом деле вы всего лишь встретили заблудившуюся женщину?

– Да, – опять вяло согласилась я.

– Нынче у нас даже такая встреча может быть небезопасной... Может, до вас уже дошли слухи о том, что случилось в Колне с торговцем Джоном Лоу?

– Нет, не дошли пока.

– Роджер, не стоит пугать ее колдовскими сказками... ей и так снятся кошмары.

Я изумленно открыла рот и покраснела. Мне даже не верилось, что Ричард решил упомянуть при посторонних о моем кошмаре. Но перо на его шляпе продолжало спокойно

покачиваться, и он без дальнейших пояснений продолжал ехать вперед.

– Расскажите же мне, Роджер.

– Блуждающие в одиночестве женщины не всегда так невинны, как кажутся, в этом как раз убедился Джон Лоу, и теперь не забудет об этом всю жизнь... хотя, возможно, господи помилуй, жить ему осталось недолго. – Роджер откинулся в седле. – Пару дней назад ко мне в Рид-холл заезжал его сын, Абрахам.

– Разве мы с ним знакомы?

– Нет, он красильщик по тканям из Галифакса. Но парень достиг немалых высот, учитывая, что отец его бродил по дорогам, продавая булавки.

– Так он столкнулся с ведьмой?

– Нет, слушайте дальше.

Вздыхнув, я пожалела, что не осталась отдыхать в гостинице в обществе собаки.

– Джон брел по торговому пути в окрестностях Колна и столкнулся с девушкой. Нищая – так он подумал. Она попросила его дать ей немного булавок, и когда он отказал, – тут он помедлил для пущей важности, – девчонка прокляла его. Джон отвернулся от нее и вдруг услышал за спиной ее тихий голос, словно она с кем-то еще разговаривала. По спине его побежали мурашки. Сначала он подумал, что слышит шум ветра, но, оглянувшись, увидел устремленный на него взгляд ее темных глаз и шевелящиеся губы. Он поспешил убрать-

ся подальше, и не успел еще пройти и тридцати ярдов, как услышал звуки погони, и тогда на него набросилась странная черная собака и икусала, повалив на землю.

– Что за странность была в той черной собаке? – спросил Ричард. – Вы же упомянули именно черную собаку.

Оставив его вопрос без внимания, Роджер продолжил:

– Джон закрыл лицо руками и взмолился о пощаде, а когда открыл глаза, собака уже пропала. Исчезла. И странная девчонка тоже. Кто-то нашел его на дороге и помог добраться до ближайшего постоянного двора, но сам он едва мог передвигаться. Один глаз у него не открывался, а половину лица перекосило. Он заночевал на постоялом дворе, однако на следующее утро та девчонка, совсем обнаглев, заявила снова и принялась умолять его о прощении. Заявила, что не хотела проклинать его, да не сумела совладать со своим ремеслом.

– Она призналась в этом? – Мне вдруг вспомнилась вчерашняя девушка. – А как она выглядела?

– Как ведьма. Худущая, противная и угрюмая, с лохматыми черными волосами. По словам моей матушки, черноволосям вообще доверять нельзя, у них обычно и душа черная.

– У меня тоже черные волосы.

– Так вы хотите дослушать мою историю?

В детстве мать грозила зашить мне рот. Они с матушкой Роджера, должно быть, нашли бы множество тем для обсуждения.

– Извините, – добавила я, – но сейчас-то тот торговец уже

поправился?

– Нет, и вряд ли ему уже станет лучше, – печально ответил Роджер.

– Тревожная, в сущности, история, но больше всего пугает в ней появление собаки. Мы все подвергаемся опасности, пока псина свободно разгуливает по Пендлу.

Бросив на меня скептически насмешливый взгляд, Ричард поехал дальше, явно решив продолжить охотничью вылазку. Меня напугало не само это животное... ведь у меня самой есть дог размером с мула. Но прежде чем я успела объяснить свои опасения, Роджер продолжил историю.

– Через несколько дней после того случая по-прежнему живший на постоялом дворе Джон Лоу проснулся среди ночи в своей кровати, услышав чье-то дыхание. Над ним маячил огромный зверь, размером с волка, с оскаленной пастью и горящими глазами. Торговец понял, что перед ним бесплотный дух, существо не от мира сего. Можно понять его ужас: ужас онемевшего и парализованного страдальца, способного лишь стонать. А через мгновение возле его кровати появился не кто иной, как та самая ведьма собственной персоной.

Я вдруг почувствовала, будто моего лица коснулся чей-то пушистый хвост.

– То есть дух обернулся женщиной?

– Нет, Флитвуд, вы когда-нибудь слышали о так называемых духах-покровителях?

Я отрицательно покачала головой.

– Тогда я советую вам почитать Книгу Левита⁴. Коротко говоря, дьявол может принимать разные обличья. Таким образом, если угодно, он расширяет свои владения. Эта девушка являлась в обличье собаки, но духи могут принимать любые формы: животных, детей. Такая способность проявляется у них в те моменты, когда им необходимо получить желаемое, что и сказала девчонка на прошлой неделе парализованному Джону Лоу. Такой дух-покровитель служит верным признаком колдовской натуры.

– И вы видели их?

– Естественно, нет. Маловероятно, что дьявольское порождение явится богобоязненному праведнику. Только те, кто испытывают сомнения в вере, могут ощутить его присутствие. Благодатной средой для него являются низкие моральные устои.

– Но ведь Джон Лоу видел этого духа, а вы говорили, что он добродетелен.

– Мы потеряли из виду Ричарда, – раздраженно заметил Роджер, отмахнувшись от моих слов, – он не обрадуется, что я распустил язык перед его женой. Вот что бывает, когда женщин пускают на охоту.

Я не стала напоминать, что лишь потворствовала его желанию – когда у Роджера появлялась новая история, ему не терпелось поделиться ею. Мы пустили лошадей легким га-

⁴ Третья книга Пятикнижия, Ветхого Завета и всей Библии.

лопом и замедлили скорость, завидев впереди наших охотников. Готорп остался далеко позади, и меня решительно не прельщала мысль провести в седле всю вторую половину дня.

– А где сейчас та девочка? – спросила я, когда мы вновь замедлили шаг.

– Ее зовут Элисон Дивайс, – ответил Роджер, подбирая поводья, – пока она находится под моей охраной в Рид-холле.

– В вашем доме? Почему же вы не отправили ее в ланкастерскую тюрьму?

– Сейчас она не опасна. Ничего не сможет сделать... не осмелится. Кроме того, она помогает мне в других расследованиях.

– Какого рода расследованиях?

– О боже, миссис Шаттлворт, вы, оказывается, на редкость любознательны! Может быть, нам следует заговорить зверей, на которых мы охотимся, до смерти? Элисон Дивайс родилась в семье потомственных ведьм; она сама мне призналась. Ее мать, бабушка, даже ее брат – все практикуют магию и колдовство всего в нескольких милях отсюда. Окрестные соседи обвиняют их в убийстве посредством колдовства одного арендатора из владений Шаттлворта. Потому-то я и подумал, что вашему мужу следует узнать об этом.

Он мотнул головой в сторону раскинувшихся перед нами зеленых холмов. Мы опять потеряли из виду Ричарда и Эд-

мунда со сворой гончих.

– Но откуда вы знаете, что она говорит правду? Зачем ей предавать своих родных? Должно быть, она понимает, чем это грозит ведьмам... неизбежной смертью.

– Разумеется, я знаю об этом не больше вас, – просто ответил Роджер, хотя я догадалась, что он чего-то недоговаривает.

При желании он мог использовать все свое могущество и многого добиться одними угрозами; я поняла это, видя, как он обходится с Кэтрин, его женой, но она относилась к достаточно спокойным натурам.

– И она заявила, что во всех убийствах виноваты ее родственнички, – заключил он.

– Они сами всех убивали?

– Несколько раз. Не пожелал бы я вам столкнуться на узкой дорожке с одним из Дивайсов. Но не бойтесь, дитя мое. Элисон Дивайс под надежной охраной, и уже завтра или послезавтра я допрошу всю ее семейку. И мне придется, безусловно, уведомить нашего короля. – Он тяжело вздохнул, словно считал это излишним затруднением. – Но я уверен, что ему будет приятно узнать такие новости.

– А вдруг они сбегут... как вы тогда найдете их?

– Не сбегут. Вы же знаете... у меня есть соглядатаи по всему Пендлу. Сложно утаить что-то от шерифа графства.

– Бывшего шерифа, – поддразнила я его. – А много ли ей лет? Той девушке с собакой?

– Она сама не знает, но я дал бы ей лет семнадцать.

– Так же, как мне. – Задумчиво помолчав, я решилась задать очередной вопрос: – Роджер, а вы доверяете Ричарду?

– Как самому себе. – Его кустистые брови поднялись. – Я доверил бы ему свою жизнь. Или то, что от нее осталось... увы, я уже стар, дети выросли, лучшие дни моей карьеры, как ни прискорбно, остались позади. А почему вы спросили об этом?

Я нащупала письмо доктора, спрятанное под костюмом для верховой езды, оно напоминало о себе с каждым моим вдохом, точно второе сердце.

– Да просто так.

Глава 3

Великий пост еще не закончился, и по-прежнему страдая от отсутствия нормального аппетита, я все-таки мечтала о кусочке тушеной говядины или о мягком ломтике соленого цыпленка. Роджер остался у нас на ужин и, потирая руки, взирал, как слуги выставляют на стол серебряные блюда со щукой и осетром. Я понимала, что мне не суждено пока даже попробовать их, хотя я и проголодалась за время нашей охотничьей вылазки, с которой нам, кстати, пришлось вернуться с пустыми руками из-за опустившегося на землю холодного тумана. Теперь он сгустился и за окнами нашей не успевшей прогреться столовой. Разломав хлеб на кусочки, я глотнула вина, раздумывая, когда же я смогу вновь съесть все, что положат мне на тарелку. Я не рассказывала слугам о моем положении, даже Саре, хотя она помогала мне одеваться, однако первыми обычно все узнают кухарки. Другие слуги могли заметить, как я подкармливаю Пака, давая ему кусочки со своей тарелки, но так я поступала с тех пор, когда он был еще щенком. Моя собака становилась все упитаннее, а я, казалось, усыхала. Ричард однажды заметил, что Пак питается едва ли не лучше всех в Ланкашире.

Когда мне стало невыносимо больше даже видеть рыбы головы, я поднялась в свои покои отдохнуть. Под крышей дома, вдали от стука ножей и ложек по соусникам и тарел-

кам, царила тишина, уютно горел камин. Обычно я задергивала шторы, надеясь, что в полумраке головная боль пройдет быстрее, но сегодня я чувствовала себя слишком измученной и усталой, поэтому сразу же сбросила туфельки, улеглась на кровать и, положив руки на живот, устремила взгляд в окно. С утра произошло много интересных событий, но все они скрылись за мрачной туманной завесой, оставившей в моем сознании только письмо доктора. Полагаю, терзавший меня вопрос сводился к тому, кто выживет: я или наш ребенок, или оба, или никто? Если, по мнению лекаря, – а его мнение, несомненно, таково: ребенок созревает, как конский каштан в колючей зеленой скорлупе, то в итоге, созрев, он расколется. Больше всего на свете Ричард хотел наследника, и после прошлых неудач, возможно, на сей раз роды пройдут успешно... но ценой моей собственной жизни? После зачатия женщины вынашивают в себе не только жизнь, но и смерть, такова данность нашего женского бытия. Надеяться и молиться, что я не присоединюсь к усопшим, так же бессмысленно, как желать, чтобы трава стала синей.

– Неужели ты сможешь созреть и убить меня? – спросила я, устремив взгляд на свой едва округлившийся животик. – Или позволишь мне выжить? Давай мы постараемся выжить вместе?

Должно быть, я уснула, потому что, проснувшись, обнаружила возле кровати кувшин молока. Моя мать обычно говорила, что лица у самых красивых девушек округлые и бар-

хатисто-сливочные, подобно свежему молоку. По сравнению с ними мое лицо напоминало старый выцветший пергамент. Мне вспомнилась суэта, устроенная матерью, когда Ричард впервые приехал в Бартон со своим дядей Лоренсом; не в силах успокоиться, она порхала вокруг меня, словно мотылек.

– Привлеките его внимание к вашим рукам, – тараторила она, – только не размахивайте ими, а держите изящно сложенными.

Ей не было нужды напоминать мне, что черты моего лица оставляют желать лучшего... я и сама это знала. И все-таки моя внешность не имела ни малейшего значения, мы обе знали, что моим главным достоинством было родовое имя и унаследованное благодаря ему богатство. Мать частенько говорила, что отец отличался особой прижимистостью, но когда я спрашивала, почему мы живем в холодном, продуваемом сквозняками доме и ютимся в одной спальне, она строго поджимала губы и отвечала, что старый дом лучше новых двух.

Ночью, после встречи с Ричардом, когда мы с матушкой уже улеглись спать, она спросила, понравился ли он мне.

– А это имеет значение? – раздраженно ответила я.

– Да, огромное значение для вашего счастья. Ведь вы проведете в его обществе всю свою жизнь.

«Он избавит меня от этой жалкой несчастной жизни, – подумала я, – при всем старании он не мог бы понравиться мне больше».

Мне вспомнилось его приятное молодое лицо и светло-серые глаза. В ушах его покачивались прекрасные серьги, и не менее красивые кольца поблескивали на руках, одну из которых, насколько я понимала, он протянет мне, чтобы повести в новую жизнь.

– Вы любите театр? – спросил он меня, когда мы сидели в гостиной моей матери.

Его дядя и моя мать стояли возле окна и беседовали, поглядывая на нас. Я знала, что моя мать подготовила почву для этой помолвки, но если Ричард откажется, то ничего не случится.

– Да, – солгала я, поскольку мне еще не приходилось бывать в них.

– Превосходно. Каждый год мы будем ездить в Лондон. Именно там находятся лучшие театры. Дважды в год, если пожелаете.

Разве мог не очаровать и не восхитить меня такой привлекательный молодой мужчина, к тому же обходившийся со мной как со взрослой девушкой, в отличие от всех остальных, считавших меня ребенком. Ежечасно, целыми днями я вспоминала его лицо, да и во снах он частенько радовал меня. В приходской церкви назначили дату венчания, и с того дня я с нетерпением ждала наступления каждого следующего утра и очередной ночи, поскольку они приближали меня к новой жизни. Я размышляла о том, какой я стану госпожой: доброй и разумной, раз уж мне не повезло родиться

красавицей. Когда-нибудь стану матерью, обожаемой детьми и мужем. Я буду исполнять любые желания Ричарда. Буду всячески заботиться о нем, посвящу всю жизнь его счастью. Ибо он одарил меня сверх всякой меры, согласившись взять в жены, и всю оставшуюся мне жизнь, до последнего ее дня, я буду благодарна ему. Я услышала, как зашевелилась в своей кровати моя мать.

– Флитвуд, – спросила она, – вы слышите меня? Я ведь поинтересовалась: нравится ли вам Ричард?

– Наверное, понравится, – уклончиво ответила я, с улыбкой задувая свечу.

* * *

Я неловко встала на онемевшие ноги и, желая немного размяться, направилась прогуляться по большой галерее, протянувшейся вдоль фасадной стены дома. К моему удивлению, я застала там Роджера – сцепив руки за спиной, он внимательно рассматривал королевский герб над камином.

– «Бога бойтесь, царя чтите... уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему»⁵, – процитировала я по памяти текст на мантии.

– Bravo, Флитвуд. Считаю это вашим обещанием мировому судье.

⁵ Первое послание Петра, глава 2, ст. 17 и глава 2, ст. 11.

– Так же говорил и Лоренс, дядя Ричарда. Мне кажется, он надеялся, что король Яков, прослышав об этом, сочтет излишней надобность личного визита.

– Разумеется, ведь Шаттлворты преданы короне. – В голосе Роджера прозвучал предостерегающий оттенок.

– Преданы, как собаки.

– И все-таки в здешних краях, – задумчиво помолчав, произнес Роджер, – требуется более впечатляющая демонстрация преданности. Но вот как ее продемонстрировать?

– По-моему, здесь скорее не хватает не преданности, а доверия. Кроме того, естественно, что король сторонится этого графства из-за здешней приверженности к старой вере.

– Да, эта часть королевства вызывает у Его Величества большую тревогу. Многое еще можно сделать и для изъявления почитания короля, и для уклонения от зла. – Он подался вперед и нахмурился. – Я заметил на королевском гербе еще одну надпись. Каково ее значение?

– «*Honi soit qui mal у pense*», – в переводе со старофранцузского это означает: «Стыд тому, кто дурно об этом подумает»⁶.

Лоб его прорезали морщины, очевидно, свидетельствуя о глубоком раздумье.

– Воистину так. Однако Лоренс так и не объяснил нам, о чем, собственно, не надо дурно думать. Вероятно, мне лучше

⁶ Девиз Наиблагороднейшего ордена Подвязки – высшего рыцарского ордена в Англии, учрежденного английским королем Эдуардом III в середине XIV в.

спросить самого короля.

– Вы скоро собираетесь ко двору?

– Его Величество требует, – кивнув, ответил он, – чтобы все мировые судьи Ланкашира предоставили список подданных, не прошедших причастия в церкви.

– И с какой же целью?

– Ах, Флитвуд, вам нет нужды беспокоиться о делах придворной жизни, они едва ли затрагивают жизнь молодой дамы. Спокойно выполняйте свой долг и дарите вашему супругу много маленьких Шаттлвортов, а я буду выполнять свой долг, заботясь о безопасной жизни в Пендле.

Должно быть, на лице моем отразилось недовольство, поскольку он взглянул на меня более мягко, с приличествующей доброжелательностью.

– В общем, если уж вам так нужно знать, Его Величество еще крайне... тревожат события, произошедшие в парламенте семь лет тому назад⁷. И, возможно, вы слышали разговоры о том, что некоторым заговорщикам тогда удалось сбежать в Ланкастершир. Необходимо сделать нечто особенное для доказательства преданности этого графства короне, поскольку в настоящее время король весьма подозрительно относится к нашему северному краю и скрывающимся у нас преступникам. Он считает нас подобными дикой звериной

⁷ Речь идет о так называемом пороховом заговоре 1604 г., когда заговорщики задумали устроить взрыв в здании парламента; одной из задумок организаторов было восшествие на престол после гибели монарха его малолетней дочери принцессы Елизаветы при католических регентах.

стае в сравнении с благородными и воспитанными южными лордами и леди. Мы здесь чертовски далеки от светского общества, и, по-моему, он побаивается нас. Однако, знаете, к чему еще он относится подозрительно?

Я недоуменно покачала головой.

– К колдовству.

Его глаза торжествующе сверкнули, и через мгновение меня осенило.

– Вы имеете в виду Элисон Дивайс?

– Если мне удастся убедить короля, – кивнув, продолжил Роджер, – что его подданным в Ланкашире угрожает то, что он ненавидит более всего, то он, вероятно, проявит к нам сочувствие и станет менее подозрительным. Если я позабочусь об устранении, скажем так, дурной крови, то это, скорее всего, благоприятно скажется на развитии и процветании нашего графства и мы сможем вернуть себе добрую репутацию в королевстве.

– Но нельзя же сравнивать католиков с ведьмами. Первых у нас много, а вторых мало.

– Больше, чем вы думаете, – просто ответил Роджер, – кроме того, сам король считает их одинаково опасными.

– Ну, по-моему, вряд ли королю стоит беспокоиться о том, что мы тут запасаем порох. У нас для этого слишком сыро, – заметила я, вызвав смех Роджера.

И тогда я подумала, что вряд ли мне стоит сообщать Роджеру о спрятанном мною письме. А может быть, ему и так

уже известно о заключении доктора?

– Но где же Ричард? – меняя тему, спросила я.

– У него какие-то дела с управляющим, а потом он соби-
рался показать мне своего нового сокола и проводить до Рид-
холла. Не желаете ли присоединиться к нам?

– Он проводит с этой птицей больше времени, чем со
мною. Нет уж, благодарю покорно. Но не могли бы вы пере-
дать ему, чтобы он пригласил к нам портного. Мне нужно
заказать несколько новых платьев.

Мы как раз успели подняться на верхнюю площадку лест-
ницы и прошли мимо входа в мои покои.

– В плане нарядов вы с моей Кэтрин равно убедительны, –
усмехнувшись, заметил Роджер, – однако, все же ни одной из
вас не сравниться с Ричардом. У него самая большая коллек-
ция одежды, не считая, конечно, королевского гардероба. –
Он помедлил на лестничной клетке. – Не собираетесь ли вы
в скором времени заехать к нам повидать Кэтрин? Она ча-
стенько спрашивает о вас и ваших последний модных при-
обретениях. Ее чертовски интересует, что носят нынче мо-
лодые дамы.

Я улыбнулась с легким поклоном, и Роджер начал спус-
каться с моей башни по винтовой лестнице, но прежде чем
он исчез из виду, я окликнула его, испытав вдруг отчаян-
ную потребность в том, чтобы он по-отечески обнял меня.
От него, безусловно, исходил своеобразный отцовский за-
пах, по крайней мере так мне представлялось, – древесного

дыма, конской гривы и табака. Он остановился, поджидая меня возле портрета, запечатлевшего меня в детстве рядом с моей матерью – именно эту картину мне не захотелось повесить ни в большой галерее, ни в одной из других парадных комнат. Меня как раз устраивало, что здесь, на лестнице, перед ним никто не задерживался надолго и, проходя дальше, гости зачастую уже забывали о нем на следующем этаже. На этом портрете, высотой примерно с мой рост, господствовала моя мать в ярко-красном платье с широким воротником. Меня же изобразили в левом нижнем углу; устремленная ко мне рука матери словно торопила меня выйти из рамы. На моей руке сидит маленькая черная ласточка, что обессмертило эту мою домашнюю любимицу, которая жила в клетке в моей комнате. Мне до сих пор вспоминается, как меня усадили в большом зале Бартона, заставив молча и тоскливо позировать для этого портрета, и как тот художник с заостренным лицом и перепачканными красками пальцами, видимо, от усердия то и дело высовывал свой темный, точно змеиный, кончик языка.

– Роджер... – Мой голос сорвался и замер в горле. – Как вы думаете, выживет ли Джон Лоу?

– Не волнуйтесь, – сказал Роджер, – о нем позаботится сын.

Возвращаясь к себе, я задумалась, как Роджеру спится в одном доме с ведьмой, и решила, что сон его крепок и здоров.

На случай необходимости я спрятала под кроватью горшок, накрыв его салфеткой, но, войдя в нашу спальню, Ричард все-таки вздрогнул, заметив его. Я лежала в ночной рубашке, ослабевшая и опустошенная, а ко дну этого сосуда прилип кусочек шуки, съеденной мной за ужином. Вздохнув, Ричард опустился на колени рядом со мной.

– Вам не становится лучше? Вы ведь почти ничего не ели. Как же мне хочется, чтобы у вас все наладилось.

Я обтянула ночной рубашкой легкую округлость моего живота. Ричард заметил его и мягко приложил ладонь к этой выпуклости. Я покрутила его золотое кольцо, он никогда не снимал с пальца этот подарок отца. Мне до сих пор не удалось решить, что же хуже: мои тошнотворные недомогания или сомнения в том, не скрывает ли от меня муж ужасную правду. Сегодня вечером, когда я сидела в своем будуаре в компании весело потрескивающих свечей, меня вдруг осенило: разумеется, Ричарду более дорога жизнь ребенка, чем моя. Могло ли быть иначе, ведь мужчине крайне важно оставить после себя наследника?

– Ричард, что будет, – спросила я, – если мне не суждено подарить вам наследника?

Мне вспомнились истории королевских жен, сложивших головы на плахе. Что же предпочтительнее: уйти мучительно

и тяжело, корчась в пропитанной кровью постели, или чинно и смиренно, облачившись в свое лучшее платье? Бракоразводный процесс мог затянуться на десятилетия, но само это понятие так же страшно, как смерть.

– Даже не думайте об этом. На сей раз все будет в порядке... Господь будет добр к нам. И мы пригласим самую лучшую акушерку.

– В прошлый раз к нам уже приходила акушерка; но даже с ее помощью он родился мертвым.

Поднявшись с колен, Ричард начал раздеваться, отблески свечей играли на его пуговицах, потом переместились на обнаженное тело. Я смотрела, как он облачился в свою ночную рубашку и, подойдя ко мне, завладел моей холодной рукой, розовой на фоне его смуглой кожи. Его голос звучал спокойно, но лицо выглядело обеспокоенным.

– До тех пор пока вам не станет лучше, я буду спать в гардеробной.

– Нет! Ричард, пожалуйста, – взмолилась я, внутренне сжавшись, – со мной все в порядке. Меня больше не будет тошнить. И я прикажу горничной унести этот горшок.

Я попыталась слезть с кровати, но Ричард остановил меня.

– Я ведь буду всего лишь в соседней комнате, пока вам не станет лучше, что случится уже очень скоро...

– Ричард, не уходите. Пожалуйста. Мне не нравится спать одной, вы же знаете, я не могу... из-за того ночного кошмара.

Иногда я просыпалась ночью, взмокая от пота и ослеп-

ленная ужасом, и он обычно обнимал меня и успокаивал, пока я не переставала дрожать. Кошмар снился мне всего несколько раз в год, но Ричард понимал, что мне будет жутко страшно, если его не будет рядом.

– Умоляю, не надо спать в гардеробной. Пожалуйста, останьтесь со мной. Мне страшно.

Однако он поцеловал меня в лоб и со страдальческим видом удалился, держа на вытянутой руке испачканный ночной горшок.

Я улеглась в кровать, чувствуя, как слезы обожгли мои глаза. Он поступил так впервые за все годы нашей семейной жизни. После свадьбы, когда мы жили в доме на Стрэнде, я не могла уснуть из-за жуткого шума за окнами. Я впервые попала в Лондон, и вся жизнь в нем казалась мне совершенно новой – я никогда не видела такого скопления карет и людей, не слышала истошных криков причаливающих к берегу лодочников или оглушительно громкого колокольного звона. Ричарду приходилось сидеть рядом со мной по ночам, читая или рисуя или просто тихо лежа в постели и поглаживая меня по голове. Когда стало холоднее, мы переехали южнее, в Ислингтон, ближе к природе и широким небесам, и я заявила, что уже привыкла к шуму Стрэнда и теперь не смогу заснуть из-за окружающей тишины. Он рассмеялся и сказал, что я оказалась слишком капризной, и теперь ему остается лишь создать мне в качестве колыбельной шумовое сопровождение. Вечер за вечером, когда мы гасили свечи и я начи-

нала засыпать, он принимался ржать, как лошадь, или кричать, подражая воплям точильщиков ножей, или торговцев углем, притворно ругаясь, что обжег руки. Никогда в жизни я еще так много не смеялась. Однажды, когда за окном шел снег и огонь в камине начинал гаснуть, я попросила его показать, что он нарисовал в моем альбоме. Он предложил мне подождать, пока закончит. Я смотрела, как он рисовал, его лицо выглядело напряженно сосредоточенным, руки быстро двигались над листом, еле слышно касаясь бумаги. Когда же он повернул лист ко мне, я увидела свой портрет. В красивой шляпке с полями, платье с изысканным гофрированным воротником и в изящных испанских туфельках. Мои плечи окутывал плащ, он ниспадал волнами, уходящими за края листа, закрепленного парижскими кнопками. Плотная ткань выглядела почти как настоящая.

– Какого он цвета? – прошептала я, касаясь кончиками пальцев волнистых очертаний.

– Плащ из узорчатого атласа и оранжевой шерсти, – горделиво пояснил он, – завтра же закажу такой для вас. Вы наденете его, когда мы отправимся домой. В Готорп-холл.

Никто прежде не делал для меня ничего подобного. Когда зима закончилась, мы приехали в этот совершенно новый особняк, где, как и говорил Ричард, еще никто не жил. Путешествие заняло девять дней, и всю дорогу я думала лишь о том, что приеду в Ланкашир, как и подобает госпоже Шаттлворт, в таких шикарных нарядах, каких еще не видела в этих

краях ни одна живая душа. Для себя Ричард тоже придумал особый наряд и выглядел прекрасно и мужественно с кинжалом и шпагой на боку. Когда мы подъехали ближе к нашему новому дому, то увидели выстроившихся по обеим сторонам дороги жителей, все улыбались и приветливо махали нам. Но со временем эти воспоминания потускнели, и я уже видела только двух детей в охотничьих костюмчиках...

Я задула свечу и прислушалась к звукам из соседней комнаты. Впервые за время нашей семейной жизни в этом доме я спала одна.

* * *

На следующее утро Ричард предпочел не будить меня и один спустился на завтрак в столовую. Он читал письма, а я сидела напротив, пытаясь прожевать и успешно проглотить кусочек хлеба с медом. Я видела, как морщится или проясняется в процессе чтения его лицо, но ни о чем не спрашивала. Пока слуги сновали туда-сюда по столовой, я размышляла, кто мог знать о выдвижной кровати и приготовил свежее белье в смежной с нашей спальней гардеробной. Словно отвечая на мой мысленный вопрос, одна из кухонных служанок, перехватив мой взгляд, поспешно отвела глаза, кончики ее ушей покраснели. Я похолодела, вдруг осознав, что не в состоянии ничего съесть, не могу даже высказать свои пожелания, поэтому, как трусиха, удалилась в большую га-

лерею и, бродя там из конца в конец, молилась в надежде, что Господь пошлет мне знак свыше. За окном маячили деревья под голубыми небесами, и мне отчаянно захотелось, избавившись от навязчивых мыслей, вырваться на свободу.

Много позже я нашла Ричарда в большом зале, он сидел там вместе с Джеймсом, нашим управляющим, и перед ними лежал раскрытый хозяйственный гроссбух. Бухгалтерская книга Готорпа считалась в нашем доме столь же важной, как и королевская Библия: любые наши покупки, каждый оплаченный нами счет и все товары, поступавшие к нам или увозимые из Готорпа, будь то колеса, верховые лошади или закатанные бочки, все записывалось на его толстых страницах безупречно аккуратным почерком Джеймса. Латные доспехи, декоративные ткани и прочие пустяки, типа отделанных кружевом воротников и носовых платков, на которые Ричард любил тратить деньги, фиксировались в этих чернильных записях, так же, как и любые повседневные товары: чулки для слуг или винные пробки. Однако, как и я, Ричард мало интересовался хозяйственными делами, предпочитая поручать их слугам, поэтому, когда я зашла к ним, он уже проявлял явное нетерпение; разговоры о земельных налогах и прибылях быстро утомляли его. Словно напоминая о необходимости серьезного отношения к делам поместья со стены взирал на них печальный портрет его дяди, досточтимого Лоренса, со священными словами, начертанными на оплечье: «Смерть есть путь к жизни».

– Ричард? – произнесла я, подавив укол страха.

Он тут же поднял голову, радуясь возможности отвлечься от дел. И тогда одновременно произошли два события: Джеймс быстро перевернул страницу книги, открыв чистый лист, несмотря на то что предыдущая страница была заполнена только наполовину, и я заметила, что Ричард одет в дорожный костюм.

– Вы собираетесь уезжать?

– В Ланкастер. Выеду сегодня к вечеру.

– Ах... неужели из-за тех писем, что вы читали утром?

– Нет, я получил лишь новости от сестер из Лондона. Обычно они обе посылают мне по письму, хотя содержание их одинаково – каждая из них описывает одних и тех же знакомых, одни и те же пьесы и свежайшие новости о жертвах скандалов. Но, по крайней мере, в столице у них больше развлечений, чем в Форсетте с нашей матушкой; полагаю, что им решительно не захочется возвращаться в Йоркшир. А вам что-то нужно от меня?

«Да, мне нужны вы», – мысленно призналась я себе.

В зале повисла звенящая тишина. Перо в руке Джеймса подрагивало, его чернильный кончик жаждал продолжить записи.

Мне хотелось сказать: «Не уезжайте», но вместо этого я спросила:

– И как поживают ваши милые сестры?

– Элинор намекает на какое-то волнующее событие, но

Энн, очевидно, оно ничуть не волнует.

– Возможно, она обручилась.

– Вряд ли в таком случае Элинор выразилась бы столь уклончиво.

– Тогда, может, она надеется обручиться.

Джеймс многозначительно откашлялся.

– А я сегодня собираюсь в Падихам к миссис Кендалл за бельем. Вам нужно что-нибудь из ее ассортимента?

– Почему бы вам не отправить к ней кого-то из слуг?

– Они не сумеют выбрать то, что нужно.

– А вы достаточно хорошо себя чувствуете?

Серые глаза Лоренса взирали на меня из своей тяжелой рамы. «Смерть есть путь к жизни».

– Да.

Мне не хотелось, чтобы Ричард уезжал; вечно он повсюду разъезжает, а я, как всегда, торчу дома.

– Когда же вы вернетесь?

– Буквально через пару дней. Хотите, чтобы я заглянул в Бартон по дороге?

– Зачем? Моя мать там больше не живет; теперь в нашем пустом доме обитают только мыши.

– Надо почаще проверять, все ли там в порядке.

Джеймс засопел и выразительно сменил позу. Я посягала на ценное время его господина. Возможно, поэтому Ричард решил уделить мне должное внимание и, подойдя ко мне, спросил, слегка коснувшись моего подбородка и приподняв

к себе мое лицо:

— А как вы думаете, сможем ли мы с вами в скором времени отправиться в Лондон? Письма Элинор и Энн напомнили мне, как я соскучился по столичной жизни. Там мы сможем найти для вас наилучших акушеров и походим по театрам... Господь свидетель, как мы изголодались по развлечениям в этих северных краях. Нашему унылому особняку не помешало бы немного радости. Джеймс, разузнайте, нет ли поблизости каких-нибудь бродячих актеров, может, они согласятся выступить у нас. Или пошлите кого-нибудь из слуг.

Он обнял меня за талию одной рукой, а другой взял мою руку, словно мы собрались танцевать. Пак направился к нам, издав любопытное ворчание.

— В ином случае мне придется обучить Пака медвежьим пляскам. Смотрите!

Он отпустил меня и поднял собаку за мощные передние лапы, положив их в себе на плечи, так что гигантская собачья голова оказалась на одном уровне с лицом Ричарда. Я невольно улыбнулась, когда они начали неуклюжий танец, Пак вывалил из пасти язык, с трудом перемещаясь на задних лапах по каменным плитам пола, куда в итоге и опустился далеко не грациозно на все четыре конечности. И мгновенно побежал ко мне за вознаграждающим поглаживанием.

— Бесталанное создание. Нам с ним придется изрядно порепетировать перед представлением, — пошутил Ричард.

Он оставил меня с Джеймсом, а Джеймса с их незакон-

ченными делами. Я понимала, что не единственная среди домочадцев оставалась брошенной, когда у моего супруга появлялось дорожное настроение. Я смотрела ему вслед, еще чувствуя на своей щеке легкий поцелуй, а на плечах – тяжеленный, как мокрый плащ, груз семейной жизни.

Глава 4

Я слышала, что знахарки могли приготовить снадобье, от чашки которого у женщин случалось кровотечение, и их животы опять становились плоскими. Но, если одни травы и снадобья способствовали преждевременному выходу ребенка, то не могли ли другие помочь ему остаться в животе, помочь ему выжить? К сожалению, я слышала лишь обрывки разговоров, но слуги тут же прекращали их, увидев, что я тихо сижу в соседней комнате, или замечала, заходя в ту или другую столовую, как все тут же поджимали губы и быстро меняли тему разговора на более пристойную. Жаль, что у меня не было подруги, с которой я могла бы посоветоваться; едва ли мне самой уместно спрашивать об этом в аптечной лавке.

Поездка из Готорпа в Падихам проходила по радующей глаз светлой дороге с привольно растущими деревьями. День выдался ясный и прохладный, и я порадовалась тому, что надела толстый шерстяной плащ. Привязав около одежной лавки свою лошадь, я погладила ее угольно-черную гриву и отправилась за покупками.

– Доброе утро, госпожа, – приветствовала меня череда простых и незнакомых лиц проходящих мимо селян.

Отвечая на приветствия, я замечала, как жадно они разглядывают меня от шляпки до перчаток. Увы, пройти неза-

меченной было невозможно.

Я помедлила перед дверью в аптеку, представив на мгновение, как вхожу в эту сумрачную маленькую лавку, наполненную множеством ароматов, миниатюрных пузырьков и висящих на стенах трав. Вполне возможно, что какие-то травы могут избавить беременных женщин от недомоганий и предотвратить выкидыш. Могут даже предотвратить мою смерть. Но аптекари и знахари говорили на другом, неведомом мне, языке.

Я заказала белье и ткани в одежной лавке миссис Кендалл, и мне показалось, что ее сообразительные глазки скользнули вниз по моей груди. Видя взгляды сельских жителей, нелегко было понять, то ли они подозревали, что вы беременны, то ли восхищались вашими пуговицами.

Я представила, как шепотом спрашиваю миссис Кендалл, не знает ли она какую-нибудь знахарку. Несомненно, осознав конфиденциальность вопроса, она могла склониться ко мне, прижавшись своим округлым животом к прилавку.

«А для чего вам, госпожа?» – наверное, озадаченно спросила бы она.

«Чтобы помочь мне родить ребенка».

«Для этого вам достаточно спать с мужем!»

И она шлепнула бы своими красными руками по переднику, не сдерживая хохота, от которого по ее щекам наверняка заструились бы слезы.

И, разумеется, об этом тут же узнали бы все селяне и на-

ши домашние слуги, а они, в свой черед, сообщили бы, что их господин покинул мою спальню после пяти лет семейной жизни. Нет, так просто спрашивать нельзя.

Выехав на лошади из городка, я решила вернуться домой напрямик через лес. На природе мне легче думалось, чем в доме, где в отсутствие Ричарда становилось слишком тихо. Поначалу размеры и тишина Готорпа пугали меня. Я постоянно ходила за Ричардом, и он даже прозвал меня своим маленьким призрачным видением.

Полагаю, если бы я вела себя более уверенно, мисс Фонбрейк никогда не появилась бы в нашем доме. Однажды, весенним утром, Ричард позвал меня в зал, и я увидела широкую спину ее крупной фигуры, женщина стояла у камина, но тут же развернулась и уставилась на меня своими тусклыми, безучастными глазами, к тому же слишком широко, как у рыбы, расставленными. Лет на десять, а то и больше старше меня, она выглядела на редкость отвратительно – слишком мятый воротник явно нуждался в крахмале, а платье так плотно обтягивало ее пышные формы, что, казалось, вот-вот треснет по швам. Даже имя никак не вязалось с ее обликом: «Мисс Фонбрейк»⁸ – так могли бы звать игривую и веселую молодую красотку, но она являла собой полную ей противоположность. Но больше всего меня испугало и расстроило то, что она стояла рядом с Ричардом с таким самоуверенным видом, словно всю свою жизнь прожила в Готорпе.

⁸ Fawn – пыжик (англ.).

Ричард говорил, что подыскал для меня горничную, которая станет моей компаньонкой. Волна ужаса окатила меня с макушки до пят, когда он добавил, что у меня, подобно придворной даме, появятся камеристки, обязанные читать, музицировать или играть со мной. В кротком смирении я могла лишь безмолвно взирать на ее крупные, терпеливо сложенные розовые и сухие, как сырокопченая ветчина, руки и на толстые запястья, слишком далеко вылезавшие из коротких рукавов. Ричард знал, что я давно не музицирую и не совершенствую свои познания в латинском языке; разве он не знал, что мне больше нравились охотничьи вылазки и прогулки с собакой?

К тому времени я потеряла нашего первого ребенка, но это было еще хуже. Готовая расплакаться, я убежала в столовую, куда Ричард последовал за мной, оставив мисс Фонбрейк массировать свои пухлые пальцы.

– Ричард, я не нуждаюсь в няньке, – срывающимся голосом заявила я.

– Вы предпочитаете одиночество? Флитвуд, вы же говорили, что вас пугают доспехи и латы.

– Больше не пугают. – Жгучие соленые слезы стекали по моим щекам, и я заплакала, как ребенок, каким, в сущности, еще и была.

Увы, мой муж не видел во мне хозяйку этого дома.

– Ричард, я уже не ребенок, – всхлипывая, простонала я. Если бы только сейчас я могла обратиться к той испуган-

ной девочке, то опустилась бы рядом с ней на турецкий ковер и согрела ее холодные ручки. Если бы только я смогла поступить так в те первые годы, то сообщила бы ей, что дальше будет еще хуже, и лишь лет через пять будет лучше, но лучше будет обязательно. Полно, не обманываю ли я саму себя?

Меня до сих пор тошнило при воспоминании о грубых розовых руках и одутловатом, рябом лице мисс Фонбрейк. Она прожила с нами восемь месяцев, и за то время я потеряла двух детей, одного за другим. Когда у меня началось кровотечение и я умоляла ее ничего не говорить Ричарду, она демонстративно удалилась из комнаты, отправившись с докладом к своему хозяину. Тут же прибежав наверх, Ричард увидел, как я лежала, сжавшись на кровати, и корчилась от приступов нестерпимой боли. Мне не хотелось, чтобы он видел, что я настолько не способна выносить ребенка, словно сам малыш не хотел, чтобы я стала его мамой. Первый выкидыш случился еще до прибытия мисс Фонбрейк, когда мы прогуливались по большой галерее, обсуждая заказ наших портретов, и тогда я вдруг почувствовала странную тянущую тяжесть в животе и подумала, что у меня разорвались внутренности. Я понятия не имела, что произошло, даже не догадывалась, что у меня мог быть ребенок, а Ричард заботливо уложил меня в постель, обмыл теплыми салфетками и накормил бульоном и марципаном. Он выглядел печальным, однако радовался, что нам удалось зачать ребенка.

– К Святкам у нас родится малыш! – с улыбкой восклик-

нул он, и я тоже слабо улыбнулась в ответ, поверив его словам.

Та боль быстро забылась, остались лишь чистая печаль и наша любовь. Но потом появилась мисс Фонбрейк, и на сей раз боль стала намного сильнее, усугубилась и печаль, но тяжелее всего было ощущение вины.

Третий выкидыш стал самым ужасным. Ричард был в отъезде, и я играла на лужайке около дома с Паком, кружась вместе с ним и держа конец палки, которую он сжимал в зубах. К тому времени мой живот заметно вырос, словно я проглотила шар. На нем появилась темная полоска, и в своей наивности я подумала, что именно там моя кожа разделится и оттуда появится готовый ребенок. В тот день я несколько раз падала, испачкалась в грязи и промокла, но мы славно веселились, и игривый Пак все прыгал вокруг меня, вылизывая мне щеки. Помню, смех замер в моем горле, когда я увидела, что мисс Фонбрейк следит за мной из окна столовой. С того дня я надолго лишилась радости, поскольку в тот же вечер во время переодевания ко сну у меня снова начались боли и не прекращались три дня. Приехал доктор, Ричард вернулся из Йоркшира, и в размытом, помраченном сознании мне помнилось лишь ощущение какой-то потери, и повитуха, державшая за ноги какое-то существо, похожее на белого кролика. Две недели я не вставала с постели, а мисс Фонбрейк постоянно маячила в углу злобной тенью. Однажды она исчезла и вернулась с Ричардом, и тогда он впервые

за всю нашу семейную жизнь вдруг повысил на меня голос.

— Зачем это вы катались по лужайке, как собака? И позволяли Паку прыгать на вас? Флитвуд, похоже, вы упорно продолжаете вести себя как дитя и вас совершенно не привлекает перспектива материнства.

С тем же успехом он мог назвать меня убийцей. Если бы рядом с моим нетронутым хлебом лежал нож или поблизости нашлась раскаленная каминная кочерга, я всадила бы ее в объемистую грудь мисс Фонбрейк и подтвердила его правоту. Однажды, все-таки заметив, какие жуткие страсти она пробуждает во мне и как я скрежещу зубами, когда она входит в мою комнату, Ричард наконец решил избавиться от нее, сочтя, что как раз ее присутствие способствовало выкидышу. Я не думала, что он полностью прав, но отчасти, по моему, его мнение было справедливо. Ведь я приходила в ужас всякий раз, когда ее физиономия возникала в дверях, когда она приходила по утрам одевать меня, и я просто терпеть не могла ее тихие, тайные разговоры, которые она вела с моим мужем или со слугами. Я даже не успевала рассказать Ричарду, как провела день, поскольку она первая обо всем ему докладывала; она летела вперед меня встречать его у дверей и заботливо забирала его плащ. Если бы она могла выносить для него ребенка, то, несомненно, выносила бы. В тот вечер Ричард уволил ее, а я обнаружила под своей подушкой дерьмо Пака, выкопанное из земли и принесенное на четвертый этаж ее обветренными, толстыми руками. Ни-

когда больше я не захочу обзавестись подобной «компаньонкой»; житье с ней было подобно постоянному общению с ненавидящей меня сестрой.

На полпути к дому из Падихама ровный, ритмичный ход моей лошади внезапно сбился, она задрожала и встала как вкопанная, и не успела я даже осознать, что случилось, как она начала пятиться и вставать на дыбы, дико фыркая и вращая глазами. Окруженная деревьями, слыша лишь шорох опавшей листвы, я поначалу не поняла, что так напугало животное. Потом мой взгляд привлекло какое-то движение впереди. Ярдах в десяти от нас в напряженной позе стояла рыжая лисица с блестящим мехом, крупная, почти как молодой олень. Лишь мгновение у меня оставалось, чтобы разглядеть ее заостренную морду, гладкую спину и застывший в напряжении пышный хвост. Мне запомнилось, что перед падением я еще подумала о ее странном равнодушии к нашему появлению, словно мы нарушили какую-то ее глубокую задумчивость. Последним, что я увидела перед тем, как лошадь опять встала на дыбы, был укоризненный взгляд золотистых глаз лисицы. Я с шумом упала с лошади, приземлившись на левое запястье и испытав сразу несколько ощущений: боль в руке, влажность земли подо мной и нарастающее осознание того, что меня могут растоптать лошадиные копыта. Жутко перепуганная лошадь, взбрыкивая и молотя в воздухе копытами, с диким ржанием носилась вокруг меня по полянке. Положив здоровую руку на живот, я попыта-

лась успокоить лошадь, но она продолжала метаться, ее бока блестели от испарины. Жгучая пульсирующая боль пронзала мое запястье, к горлу подступила тошнота. Я попыталась подняться и вскрикнула от острой боли. В двух или трех ярдах от меня лежало поваленное дерево, и я попыталась доползти до него, опираясь на локти.

– Чертова лисица, – проворчала я, – и кобыла не лучше, тупая, как ослица.

– Не двигайтесь.

Из-за деревьев вышла женщина. Я сразу узнала ее – именно эту странную девушку я встретила в лесу на днях. Медленно подходя с вытянутыми руками к бесившемуся животному, она не произнесла ни слова, даже не цокнула языком, но ее приближение, уверенный пристальный взгляд и поступь произвели мощное укрощающее воздействие. Кобыла перестала дергаться и послушно остановилась, вращая темными глазами. Пока девушка удерживала в неподвижности разгоряченное животное, я разглядывала ее золотистые волнистые волосы, выбившиеся из-под чепца, ее удлиненное сосредоточенное лицо. Ее тонкие руки выглядели не изящными, а скорее костлявыми.

Я опять сделала попытку подняться на ноги и передернулась от острой боли в запястье.

– Не двигайтесь, – вновь произнесла она тихим, мелодичным голосом, разнесшимся, как солнечный луч, по всей полянке.

На ней было то же потрепанное платье и тот же шерстяной чепец. Она опустилась рядом со мной на колени, и, несмотря на ее грязные с виду одежды, я почувствовала лишь запах лаванды. Я скрипнула зубами от боли, когда ее длинные белые пальцы осторожно ощупали мое запястье. Оставив мою руку в покое, она окинула взглядом ближайшее дерево, встала и отломив короткую веточку от нижней ветви. Лес вокруг нас шелестел и подрагивал, и у меня мелькнула мысль, не собирается ли она ударить меня этой веткой. Однако, вновь опустившись на колени, она оторвала полоску ткани от своего грязного передника и, примотав ветку к моему запястью, туго завязала полоски в трех местах.

– Легкое растяжение, – сообщила она мне, – ничего не сломано.

– А что ты здесь делаешь? – спросила я, не найдя более уместного вопроса, словно замороженная пытливым взглядом ее янтарных глаз. – Почему бродишь по лесу одна?

– А вы почему? – ответила она.

Здоровой рукой я ощупала живот, пытаюсь понять, все ли в порядке. Ее взгляд переместился за моей рукой к животу, скрытому под складками бархата и парчи, потом она окинула беглым взглядом мое лицо: пересохшие губы, покрасневшие глаза и посеревшую бледную кожу.

И точно почувствовав исходящий от меня запах тошноты, сказала:

– Вы ждете ребенка.

Мое зрение вдруг затуманилось, деревья закачались, и как будто в ответ на ее слова, я склонилась к корням дерева и рассталась с заполнившей рот противной рвотной массой. Лицо мое покрылось потом, и я стерла его дрожащей испачканной рукой.

– Вы живете у реки в большом доме? – спросила она.

– Как ты узнала?

– Вы сами сказали мне в прошлый раз. Я помогу вам добраться до дома, госпожа...

– Шаттлворт. Но в этом нет никакой необходимости.

– Вы ослабели и не сможете сами забраться на лошадь. Сейчас я приведу ее.

– Мне не хочется больше садиться на эту глупую упряmicу.

– Надо. Так будет лучше.

Подведя ко мне лошадь, она сцепила ладони, подставив их мне под ногу, и я с трудом забралась в седло. Мои грязные, промокшие юбки испачкали ее, но она не выглядела огорченной, и я, неохотно поцокав языком, тронула пятками бока лошади. Медленным шагом мы тронулись в путь.

Весна вступала в свои права, на деревьях уже лопнули почки, и скоро они гордо зазеленеют, точно лесная кавалерия в зеленых мундирах, хотя последние зимние ветра еще покусывали морозом их стволы и сотрясали ветви. Мне вдруг пришло в голову, что эти набухшие в почках зеленые листочки наслаждаются отпущенной им краткой жиз-

нюю, скоро им суждено покраснеть, засохнуть и упасть на землю лиственным покровом, хотя я, возможно, этого уже не увижу. Я прикрыла глаза и продолжили путь в спокойном молчании.

– Спасибо за помощь, – немного погодя, сказала я, – к тому времени, когда моему мужу удалось бы отыскать меня, я могла уже погибнуть под копытами.

– У вас есть муж?

– Ричард Шаттлворт. А где ты живешь?

Помедлив, она назвала деревню, расположенную в нескольких милях к северо-востоку.

– Колн не так уж близко. Что вновь привело тебя в наше поместье?

Мой голос прозвучал отчасти недовольно. Я еще не забыла тушки растерзанных кроликов, безжизненно покачивавшихся в ее испачканных кровью руках.

– Так здесь тоже ваши владения? Я не знала.

– А если бы ты не забрела сюда, вероятно, я не дожила бы до того, чтобы рассказать столь жалостливую историю.

Мы продолжили двигаться в более дружеском молчании, я верхом на лошади, она на своих двоих. Лишь позднее я удивилась, откуда она знала, как выйти из того густого, холмистого леса, где было не видно никаких тропинок. Но я позволила ей вести меня, даже лошадь с облегчением послушно шла за ней в поводу. В запястье пульсировала боль, во рту еще оставался противный вкус кислоты.

– Вам бывает дурно из-за ребенка? – спросила она.

– Постоянно.

– Я могла бы вам помочь.

– Правда? Ты знаешь рецепты снадобий?

– Я повитуха.

Мое сердце забилося чуть быстрее, и я напряженно выпрямилась.

– Ты помогаешь родиться детям живыми? А женщины... они тоже выживают?

– Я делаю все, что могу.

Я услышала не то, что хотела, и опять вяло расслабилась, тоскливое облако скрыло лучик надежды. Мы немного помолчали, а потом я спросила, есть ли у нее свои дети. И меня удивило, как она восприняла мой простой вопрос. Ее лицо на мгновение сморщилось – может, от огорчения? – и она быстро опустила глаза. А ее рука с такой силой сжала поводья, что побелели костяшки пальцев. Мой вопрос явно расстроил ее. «Вечно я умудряюсь ляпнуть что-то неуместное», – устыдившись, подумала я.

После затянувшейся паузы она ответила отрицательно, но так тихо, что я едва расслышала ее ответ.

Мне взгрустнулось. Не имея ни подруг, ни сестер, я не знала, как общаться со сверстницами. Элинора и Энн Шаттлворт были близки мне по возрасту, но я с трудом выносила больше двух дней их жеманной поверхностной болтовни. Эта незнакомка вела себя вежливо, как и подобает вести себя с богатой

дамой бедной деревенской девушке. Но мне внезапно впервые в жизни захотелось поговорить хоть с какой-то молодой женщиной запросто, на равных, сидя, к примеру, за карточным столом или прогуливаясь вместе верхом на лошадях.

– Я вдруг подумала, – как можно веселее и беспечнее заявила я, – что еще не знаю, как зовут мою спасительницу.

– Алиса Грей, – ответила она и, помедлив, добавила: – Не выживают женщины... только если я не в силах помочь им. И я понимаю это, взглянув на них.

– А как же ты это понимаешь? – подавляя волнение, спросила я.

Алиса Грей задумчиво помолчала, обдумывая ответ.

– По их глазам. В них тaitся... какая-то запредельная даль. Вы замечали, как меркнет дневной свет?

Я кивнула, удивившись, какое отношение могут иметь сумерки к деторождению.

– Свет и мрак равнозначны по силе – соучастники, можно сказать, – и бывает момент, краткий и покойный, когда можно увидеть, как день уступает права ночи. Тогда-то я и узнаю все. Просто так получается.

Я едва не брякнула, что она говорит как ведьма.

– Вы думаете, что у меня слишком богатая фантазия? – спросила она, ошибочно истолковав мое молчание.

– Нет, я понимаю. Смерть неизбежна, как тьма.

– Верно.

Уже не первый раз я подумала, что эта тьма подобна по-

мрачению зрения. По-моему, я уже бывала близка к ней, только боль привязывала меня к земле. Рассеянно глядя на тусклый чепец Алисы Грей, маячивший рядом с плечом моей лошади, я представила, как рассказываю ей о письме доктора. Но, как и раньше в случае с Ричардом, не смогла произнести ни слова.

– По-моему, ты слишком молода для повитухи, – вяло заметила я.

– Я училась этому ремеслу у матери. Она была повитухой. На самом деле самой лучшей повитухой.

Воспоминание о письме доктора вновь сдавило мое горло, и я ослабила здоровой рукой завязки испачканного воротника.

– Вот ты говорила, что видишь по глазам, выживет ли женщина с ребенком, – сказала я, – а ты когда-нибудь ошибалась?

– Бывало, – ответила Алиса, но я почувствовала, что она солгала.

Раньше она говорила ярко и убедительно, а теперь ее настроение вдруг изменилось, словно она предпочла отгородиться от меня незримой завесой. Не поворачиваясь, я искала взглянула на нее с пристальным вниманием. Красивой ее не назовешь, но лицу ее была присуща какая-то особая живость, привлекавшая взгляд: длинный нос, умные, пытливые глаза, руки, способные дать жизнь ребенку. Она быстро становилась одной из самых интересных моих знакомых.

Вновь разволновавшись, я покрепче сжала вожжи, словно именно они связывали меня с этой жизнью.

– А что ты видишь, глядя на меня?

Алиса Грей быстро взглянула на меня своими янтарными глазами и, помедлив, опустила голову.

* * *

Когда мы прибыли в Готорп, слуги жутко засуетились, помогая мне спешиться и сопровождая в прихожую. Оказавшись на земле, я поискала взглядом Ричарда среди собравшейся на крыльце группы домочадцев и среди лиц, припавших к окнам. «Но, разумеется, – апатично подумала я, – он еще не вернулся, позволяя слугам помочь мне, точно старой герцогине, подняться на крыльцо». Несмотря на суматоху, я вспомнила об Алисе и резко отвела руку горничной, попытавшейся отвязать грубо наложенную шину.

– Нет, Сара, пусть повязка останется! – воскликнула я, умудрившись, как обычно, произнести это скорее сердито, чем вежливо.

Наверное, домочадцы считали меня жутко капризной. Поначалу, целый год я вообще не осмеливалась никому ничего приказывать – некоторые из слуг были старше меня лет на сорок и даже на пятьдесят. Однажды, лет в четырнадцать, я чистила в конюшне свою лошадь и услышала, как один из помощников конюха назвал меня замужней малолеткой. До

самых сумерек, сгорая от стыда, я пряталась там, опасаясь, что они увидят меня и догадаются, что я все слышала. И когда Ричард спросил, где же я пропадала так долго, я все ему рассказала, подавляя жгучие слезы, а через час того парнишку уволили.

Сара покорно выпустила мою руку, но по ее глазам я успела прочесть, что она уже придумала очередную историю для слуг в буфетной. Именно тогда я заметила, что Алиса уже начала спускаться с крыльца, почти скрывшись из поля моего зрения. Я окликнула ее из темной, разделенной множеством проходов прихожей, и она помедлила, остановившись за освещенным дневным светом дверным проемом. Слуги дружно притихли, разглядывая девушку с откровенным любопытством.

– Зайдешь перекусить?

Осознавая, что стала центром всеобщего внимания, я прочистила горло, чувствуя, как начинают гореть уши.

Алиса задумчиво посмотрела на меня, словно пытаясь решить, расценивать мои слова как приглашение или как приказ. Но Сара, нетерпеливо охнув, решила все за нее и, быстро втащив девушку в прихожую, захлопнула тяжелую дверь, чтобы в дом не проникал весенний холод. Прихожая наконец озарилась неровным светом установленных на консоли свечей, и Алиса топталась у двери, страдальчески заломив руки. Сгорая от смущения, я повернулась к одной из кухонных служанок, бесполезно стоявшей в проходе.

– Марджери, распорядись, чтобы в гостиную принесли хлеба с сыром и согревающих напитков, и проводи туда мисс Грей. А я сменю промокшую одежду и вскоре присоединюсь к ней.

Алиса с интересом разглядывала высокие потолки, темные углы и канделябры. Прежде чем направиться к лестнице, я постаралась как можно увереннее улыбнуться ей, надеясь показать, что мне не впервой приглашать в дом гостей.

* * *

Никто из слуг не предложил мне помочь сменить дорожный костюм, хотя, учитывая, каким он стал мокрым и грязным, снять его было весьма непросто даже двумя руками, не говоря уж об одной. Перевязанное запястье болело. Пак с любопытством принюхивался ко мне, а сама я, наконец раздевшись, по привычке сунула руку между ног, проверяя, не началось ли кровотечение. Мне понадобилось едва ли не полчаса, чтобы облачиться в чистую юбку и платье, но в итоге я спустилась по лестнице в сопровождении Пака. Из гостиной, расположенной на первом этаже в задней части дома, уже доносились голоса, и когда я открыла дверь, то на меня устремили взгляды два приветливых лица.

– Ричард!

Он подошел ко мне и смущенно поцеловал меня в щеку, оценивающе глянув на мое запястье.

– Я как раз уже собирался к вам на помощь... ангел мой... Что за история с вашей лошадью, как она могла сбросить вас? И что это за изобретение? Надо заметить, прекрасный экспромпт. Это ваших рук дело, мисс Грей? Флитвуд, вам очень больно? Надеюсь, ваши травмы ограничились рукой и легким испугом?

Как обычно, обстрелянная залпом вопросов Ричарда, я пришла в смятение, не зная, на какой же из них ответить сначала. Не пытаясь высвободить рук из его захвата, я молча взглянула на Алису, но не заметила на ее спокойном лице ни намек на тему их разговора. Гостиная была невелика, но Алиса в ней выглядела еще более уныло, и ее выцветшее грязноватое платье резко выделялось на фоне изысканно живописных турецких ковров и стенных панелей теплого медового оттенка. В домашних стенах она воспринималась иначе... почти нормальной – более молодой, вероятно, лет на двадцать с небольшим.

– Вы не ожидали меня увидеть? Но разве вы забыли, что я собирался уезжать только вечером?

Почувствовав слабость, я с помощью Ричарда опустилась в одно из полированных дубовых кресел около камина, где, хвала Господу, весело потрескивали дрова. Прежде чем мне удалось вымолвить хоть слово, Марджери принесла поднос с хлебом, сыром, фруктами и кувшином эля и удалилась, выразительно посмотрев на Алису и ее испачканные руки.

– Твои руки... может быть, я прикажу принести воды? –

обратилась я к Ричарду, который уже наливал эль в два кубка. – Алиса помогла мне забраться на лошадь.

– Наш лесной ангел, – провозгласил он, протянув ей один из кубков.

Вытерев руки передником, она взяла кубок и с заметным удовольствием утолила жажду. Заметив устремленный на меня взгляд серых глаз Ричарда, я вдруг осознала, что он ждет от меня каких-то объяснений.

– Так у нас все благополучно?

Он пребывал в хорошем настроении, как обычно, веселом и бодром. Порой в его обществе у меня возникало ощущение, будто я облачилась в мрачную пессимистическую мантию и никак не могу от нее избавиться, однако если бы нечто подобное накинули на плечи ему, он сбросил бы ее с легкостью, точно мокрая собака, стряхивающая с себя воду.

– Да, все благополучно, – ответила я, уверенно улыбнувшись. И мысленно добавила: «Пока благополучно».

Он опустился передо мной на колени и, поцеловав мою здоровую руку, вложил в нее кубок эля.

– Простите, дамы, но я ненадолго покину вас, предоставив возможность поболтать о французских кринолинах, ибо мне пора переодеться. Полагаю, я могу отложить на денек свою поездку. Кроме того, грядет Пасха, а в честь такого праздника не грех и отложить хозяйственные дела.

Я внутренне возликовала, но он так быстро удалился, захватив по пути гроздь винограда, что мне не удалось выска-

зять ему свою благодарность. Я посмотрела на Алису, размышляя, какое впечатление мог произвести на нее мой муж, но она выглядела просто усталой, уголки ее губ печально опустились, а пряди волос беспорядочно выбились из-под чепца. До меня вновь донесся слабый аромат лаванды. Охваченные пламенем поленья дружно потрескивали, наполняя комнату легким и уютным духом.

– Что такое французский кринолин? – спросила Алиса, нарушая молчание.

Я едва не рассмеялась, обрадовавшись, что легко могу ответить ей.

– Это такая юбка с обручами из китового уса, они вшиты в нее с изнанки, для придания ей пышной формы. Ты еще не слышала о такой моде?

Она покачала головой и опять спросила:

– Как ваше запястье? Вам нужно потуже перебинтовать его.

– Нормально. – Я осторожно потрогала руку. – У меня большой опыт падений с лошади. Мой знакомый, Роджер, говорит, что человека нельзя назвать наездником, если он не свалился с коня хотя бы семь раз, и еще разок – на счастье. А ты, наверное, тоже частенько падала, торопясь выехать к женщинам, чтобы принять роды?

– У меня нет лошади.

– Как это – нет лошади? – потрясенно переспросила я. – Тогда как же ты добираешься к роженицам?

Уголки ее губ тронула легкая улыбка.

– Пешком. Или, если йомен⁹ присылает за мной слугу, то иногда он подвозит меня, – должно быть, видя мое изумление, она добавила: – Зачастую дети не торопятся появиться на этот свет.

– Надо же, я и не знала. – Я почувствовала на себе взгляд ее горящих огоньками глаз. – Но, пожалуйста, садись за стол и поешь.

Она неохотно подчинилась.

– Я не могу надолго задерживаться, скоро... мне надо будет уйти. – Я кивнула, отметив, как ловко, взяв нож длинными пальцами, она отрезала кусочек сыра. – А это будет ваш первый ребенок?

– Да, – ответила я.

И внезапно я осознала, что ответ мой прозвучал так же натянуто, как ее, когда она ответила, что у нее нет детей. Она спокойно подкреплялась сыром с хлебом, а я задумчиво крутила на пальце обручальное кольцо. Ради чего я пригласила ее в нашу гостиную, если не для того, чтобы выразить благодарность? Мне вспомнился озабоченный вопрос Ричарда. Все благополучно. Но надолго ли? Что-то в Алисе располагало к доверию: хотя бы уж то, как она, не вымолвив ни слова, усмирила мою лошадь на той полянке.

– Я уже потеряла троих детей, – быстро добавила я.

⁹ Йомен – крестьянин в Англии XIV–XVIII вв., ведущий, как правило, самостоятельное хозяйство, мелкий землевладелец или фермер.

Она положила нож, откинулась на спинку кресла и вытерла руки передником, смахнув крошки с пальцев. Я не смела взглянуть ей в лицо и старательно разглядывала ковер, заметив разбросанные там и сям рыжие шерстинки Пака, такие тонкие, что они прекрасно гармонировали с ковровым узором.

– Очень жаль. – Ее голос был полон доброжелательного сочувствия.

Я погладила гриву одного из деревянных львов на подлокотнике кресла.

– Моя мать считает, что я не способна иметь детей. Ей нравится напоминать мне, что я не способна исполнить долг жены.

Молчание девушки в стоящем напротив меня кресле казалось задумчиво терпеливым.

– На каком сроке вы их теряли?

– Все они умерли, не родившись. – Я слегка потянула за кончик золотую нитку из парчовой ткани юбки и попыталась вставить его обратно. – После первой потери Ричард забеспокоился и нанял женщину, чтобы приглядывать за мной.

– Как это, приглядывать?

– Следить, чтобы я правильно питалась, ну и вообще хорошо себя вела. Он очень беспокоился, – повторила я.

– За вас или за ребенка?

– За обоих. А о чем вы с ним говорили без меня?

– Да о том о сём. О делах.

Укол ревности вызвал у меня недоверчивую усмешку.

– Он говорил с тобой о своих делах?

– Нет. Я работаю в Падихаме, в пивной «Рука с челноком». И даже не знала, что вы с мужем владельцы этого заведения.

– Неужели? – удивилась я, запоздало осознав, что выдала собственную неосведомленность. – А я думала, что ты... Так ты работаешь в двух местах?

– Дети рождаются далеко не каждый день. По крайней мере, у нас в Колне.

– И давно ли ты начала работать в пивной?

– Недавно.

– И сколько же тебе платят?

Сделав большой глоток пива, она вытерла рот. Я позавидовала, глядя на то, с каким удовольствием она ест и пьет. В животе у меня заурчало.

– Два фунта.

– В неделю?

– В год. – Алиса пристально глянула на меня.

Я знала, что щеки мои заалели от смущения, но не отвела взгляда. За целый год она получала столько, сколько я платила за три ярда бархата. Неловко поерзав в кресле, я поправила полоску от ее передника на запястье, оно уже начинало чесаться. Полированный дубовый подлокотник приятно холодило кожу руки.

Во рту у меня пересохло. Неожиданно мне захотелось рас-

сказать ей о том, что Ричард теперь предпочитает спать в гардеробной, о том, как в феврале меня стошнило сорок раз за один день.

– А ты сможешь помочь мне родить ребенка? Живого ребенка?

– Я...

– Я буду платить тебе пять шиллингов за неделю.

Записывая в гроссбух такую сумму, управляющий Джеймс наверняка изумленно вскинет брови, но отслеживание моих расходов унижало меня, и я осознала, что любая оплата должна рассчитываться в пределах достаточной щедрости и справедливости. Однажды Ричард заявил, что с бедняками нельзя обсуждать денежные вопросы. Алиса, очевидно, бедна и – я глянула на ее лишенные колец пальцы – не замужем. Теперь я поняла, что он имел в виду.

– Это в пять раз больше того, что я зарабатываю сейчас, – тихо произнесла она.

Просунув палец под чепец, она почесала голову и осторожно поставила на стол кубок с пивом. В животе у меня заурчало так громко, что мы обе это слышали, я ведь еще не съела ни крошки.

– Я также предоставляю в твое распоряжение лошадь, чтобы ты могла ездить на ней сюда и до постоянного двора в Падихаме. Пешком до Колна далековато.

Облизнув губы, она обдумывала мои слова, глядя на огонь, и наконец спросила:

– Ваша нынешняя беременность длится дольше, чем в предыдущие разы? Когда можно ждать разрешения?

– В начале осени, полагаю. Последний раз она прервалась... незадолго до конца срока.

– Мне понадобится осмотреть вас, – сказала она, – когда у вас были последние женские дни?

– На Святках. Есть кое-что еще.

Поставив свой кубок, я сунула руку за пазуху и достала письмо от доктора, которое переложила туда, когда переодевалась. Обычно я запирала его в ящике за маленькой квадратной дверцей в комод, а ключ прятала на плетеной основе кровати под матрасом. Я развернула письмо и разгладила рукой бумагу, еще хранившую тепло моего тела. Но Алиса не взяла его, между ее бровей пролегла легкая морщинка.

– Я не умею читать, – хмуро призналась она.

Неожиданно от двери донеслось какое-то царапанье, и мы обе напряженно выпрямились. Я спрятала письмо на кресле, но никто так и не вошел.

– Кто там? – громко спросила я.

Не дождавшись ответа, я встала и сама открыла дверь. За порогом, тяжело дыша, стоял Пак, и я тут же опустилась рядом на колени.

– Это всего лишь ты. Мой милый.

Он последовал за мной к креслу, и по глазам Алисы я поняла, как поразили ее размеры дога.

– Он у нас добрый великан, – успокоила я девушку, позво-

лив псу улечься у меня в ногах. — Мне постоянно приходится чистить юбки от его шерсти, но на самом деле я не возражаю. Кстати, доедай сыр, иначе он не преминет стащить его.

— Какой же он большой, — удивленно произнесла Алиса.

Услышав ее голос, Пак поднял свою рыжую голову и громко гавкнул.

— Успокойся, — велела я ему.

— Что это за порода?

— Говорят, бордоский дог.

— Подарок вашего мужа?

Я безотчетно почесала его за ушами.

— Нет. Я спасла его из «медвежьей ямы» в Лондоне. Тот, изголодавшийся, он лежал, привязанный к уличному столбу рядом с хозяином медведя, продававшим билеты на свое кровавое развлечение. Я подошла погладить беднягу, а медвежий хозяин злобно пнул его. Заявил, что хорошие собаки бесполезны и своими ласками я только еще больше испорчу пса. Я спросила, сколько стоит этот щенок, а он ответил, что такой хилек не стоит даже веревки, за которую привязан. Я отвязала его и оставила веревку на земле, сказав, что тогда могу просто забрать его. Хозяин тут же передумал, заявив, что я лишаю его призового бойца. Я вручила ему шиллинг, и мы ушли, не оглядываясь. И я назвала его Паком, как персонажа одной пьесы, которую мы с Ричардом за пару дней до того смотрели в театре... Так называли там одного проказливого лесного чертенка или бесенка. Хотя в

его натуре нет, по-моему, ничего бесовского.

Алиса задумчиво разглядывала избалованного питомца, разлегшегося на турецком ковре. Он лежал, беспечно вывалив язык, размером с доброе лососевое филе, и вид у него был совершенно довольный.

– Как здорово ему повезло в жизни, – заметила она, – я слышала, что народ развлекается, глядя, как травят медведей, но сама ничего такого не видела.

– По-моему, это кошмарная забава. Но в Лондоне полно кровожадных любителей таких зрелищ; вероятно, потому, что у людей нет возможности самим охотиться.

Мы немного посидели в тишине, но наше молчание, явно стало менее напряженным, потом она кивнула на письмо, вновь вытащенное мною на свет.

– О чем там говорится?

– О том, что я умру во время очередных родов, – впервые произнеся вслух эти слова, я почувствовала, как ослабли сжимавшие мне горло щупальца страха, – как ты понимаешь, мне остается надеяться на чудо. Бог одарил меня достаточно щедро. Хотя не уверена, что среди этих щедрот есть дар материнства, но сегодня я как раз уже думала о снадобьях значарки и вот встретила тебя. Мне так хочется подарить моему мужу сына... он давно мечтает о наследнике.

– А вы?

– Я же его жена и надеюсь стать матерью его детей. Мне не хочется, чтобы он стал вдовцом.

Я с трудом проглотила подступивший к горлу комок. Алиса смотрела на меня с откровенной жалостью, и меня вдруг удивило ее отношение: как же она, такая бедная, незамужняя, не имевшая, несмотря на свои двойные труды, даже лошади, могла жалеть меня? Возможно, этот прекрасный особняк, красивый муж и дорогие наряды ничего не значат для нее, и, возможно, она также считает, что и мне все это богатство принесло мало пользы, раз я могла получить все что угодно, за исключением того, что хотела больше всего: стать Ричарду хорошей женой, отплатить ему за то, что сделал для меня, за то, что подарил мне новое будущее, избавив от несчастного прошлого. Ради него мне хотелось наполнить этот дом детскими липкими ладошками и грязными коленками. Пока у нас нет детей, наша семья неполноценна; у нас есть большой дом, но не уютный семейный очаг. Даже уединенная и ограниченная жизнь в Бартоне, где с утра до вечера я видела лишь недовольство матери, была предпочтительнее такой альтернативы. Не знаю, что бы я делала, если бы не появился Ричард.

– Госпожа?

Алиса озабоченно смотрела на меня. Языки пламени начали шипеть и плеваться искрами, рукоятка ножа торчала из сырной головы, точно кинжал, вонзившийся в ствол дерева.

Я подалась вперед, впервые готовая молить о помощи. Я пребывала в тайном отчаянии с тех пор, как случайно встретила ее, однако оно копилось месяцами, даже годами, и сей-

час вырвалось на свободу.

– Пожалуйста, – простонала я, – скажи, что поможешь мне. – Я вдруг осознала, что до боли сжала подлокотники кресла. – Ты нужна мне, чтобы спасти мою жизнь, и не только мою. Помоги мне, Алиса. Прошу, помоги мне стать матерью, родить ребенка.

Она взглянула на меня странно, словно оценивая и сомневаясь, достойна ли я помощи. Наконец она кивнула с такой уверенностью, словно скрепила наш договор рукопожатием.

Глава 5

В ту же ночь в моей одинокой кровати мне опять приснился кошмар. Я блуждала в непроглядно-черном холодном лесу, под ногами шуршали опавшие листья, и вдруг застыла на месте, не видя даже собственной руки, поднесенной к лицу. Сердце глухо колотилось в груди, я вслушивалась в лесную тишину. И вдруг поблизости что-то зашуршало и захрюкало, на меня повеяло жарким и алчным дыханием любопытных диких кабанов. Я закрыла глаза, чтобы лучше слышать, и почувствовала, как что-то задело подол моей юбки. Лес замер в безмолвии. Капелька пота сбежала по моему лицу, а потом тишина взорвалась и начался тот самый безумный кошмар. Тьма наполнилась жуткой какофонией звериных голосов – пронзительными визгами, завываниями и лаем. Не видя ни зги, я бросилась бежать, выставив вперед руки. Грудь мою сотрясали рыдания, звери гнались за мной, рыча и щелкая зубами, своими острыми, точно костяные ножи, клыками. Споткнувшись, я повалилась на землю и, всхлипывая, закрыла голову руками. Они обступили меня, окружили свою падшую добычу. Изголодавшиеся, они готовились пронзить мое тело, продырявить меня огромными клыками. Режущая, стреляющая боль раздирала меня надвое, и я невольно попыталась подтянуть колени к груди, но они вцепились в подолы моих юбок, и я завопила что есть

мочи.

Взмокшая от пота, я очнулась в своей спальне, залитой ярким дневным светом. Мое сердце гулко колотилось в груди, лицо было залито слезами, но волна облегчения омыла меня, когда я осознала, что нет больше никакого леса и никаких кабанов. Переведя дух, я почувствовала тупую боль в запястье. По совету Алисы я наложила на руку тугую повязку, но она развязалась, и конец терялся где-то подо мной в постели. Зевнув, я прищурилась от солнечного света, потянулась и повернулась на бок.

Рядом с моей кроватью, взирая на меня ястребиным взглядом, сидела моя мать.

В молчаливом ожидании она наблюдала, как я неловко пытаюсь принять сидячее положение. Даже не глядя на нее, я знала, что она, поджав губы, укоризненно смотрит на мои растрепанные черные волосы, на посеревшее, как каминный пепел, лицо. Мэри Бартон решительно не одобряла любого рода болезни, слабости или недостатки; более того, она воспринимала их как личное оскорбление. Прежде чем мы нарушили молчание, из коридора донеслись шаги башмаков Ричарда и позвякивание монет в подвешенном к ремню кошельке.

– Вот видите, кто приехал к нам с визитом, – провозгласил он, войдя и положив руку на несгибаемое плечо моей матери.

Наконец наши с матерью черные глаза встретились. Она

гордо восседала с непокрытой головой, но ее прическу высоким веером окружал идеально накрахмаленный воротник. Ее сложенные белые руки благопристойно покоились на коленях, а на лице застыло выражение выразительной весомой сдержанности. Платье скрывалось под дорожным плащом, создавая впечатление, что либо она только что спешила, либо собралась уезжать. В Бартоне она вечно мерзла, сетуя на гигантские размеры его комнат, и именно поэтому с удовольствием уехала оттуда после нашего с Ричардом венчания и поселилась, приняв приглашение Ричарда, в более скромном доме дальше к северу.

Увы, недостаточно далеко.

– Здравствуйте, мама, – сказала я.

– Вы пропустили завтрак, – отозвалась она.

Я провела языком по зубам. Во рту ощущался мерзкий вкус, такой же, наверное, как и мое дыхание.

– Я принесу что-нибудь перекусить, – сказал Ричард, выходя и закрывая за собой дверь.

Под пристальным взглядом матери я откинула толстое стеганое одеяло, слезла с кровати и, пройдя к умывальнику, взяла полоску ткани, чтобы почистить зубы.

– Спальня у вас похожа на свинарник. Вашим слугам следует быть более усердными... чем еще им тут заниматься? – спросила она и, не услышав моего ответа, продолжила: – Вы собираетесь сегодня одеваться?

– Вероятно.

Над каминной полкой с двух сторон от герба Шаттлвортов, точно часовые, стояли две гипсовые статуэтки, высотой фута в два: символические изображения Благоразумия и Справедливости. Порой я представляла их своими подругами. А перед камином, прямо посередине между ними, стояла с гордо выпрямленной спиной моя мать, напоминая воплощенное Странствие, их третью сестру.

– Флитвуд, что вас так забавляет? Вы же хозяйка дома... одевайтесь немедленно.

За дверью жалобно заскулил Пак, и я впустила его. Он не спеша подошел к моей матери, обнюхал ее юбки и направился ко мне.

– Не могу понять, – продолжила она, – почему вы держите этого зверя в доме. Собаки предназначены для охоты и охраны, с ними не цацкаются, как с детьми. Что это у вас на запыстье?

Я подобрала конец ленты и начала потуже обматывать руку.

– Вчера во время прогулки я упала с лошади. Это всего лишь растяжение.

– Флитвуд, – сказала она, понизив голос, и оглянулась через плечо, проверяя, закрыта ли дверь.

До меня донесся слащаво-приторный запах сухих духов, которые она наносила на свои запястья.

– Ричард сообщил мне, что вы опять в тягости. Если не ошибаюсь, вы уже потеряли троих детей, даже не появив-

шихся на свет.

– Я ничего не потеряла.

– Тогда я скажу проще. Три раза вам не удалось выносить ребенка. Неужели вы действительно думаете, что разумно позволять лошади сбрасывать вас на землю? Как же вы неосторожны. У вас есть повитуха?

– Да.

– Где вы нашли ее?

– Она живет неподалеку. В Колне.

– Возможно, вы поступили бы разумнее, наняв женщину с хорошими рекомендациями от знакомой нам почтенной семьи. Вы с Ричардом уже говорили с Джейн Таунли? Или с Маргарет Старки?

Я пристально глянула на гипсовое лицо Благоразумия. Ее стоический взгляд ускользал от меня. Выйдя замуж, я стала хозяйкой одного из лучших имений на многие мили вокруг, но мне приходится стоять в ночной рубашке, выслушивая брюзжание моей матери. Неужели ее пригласил Ричард? Он же знает, как я ненавижу ее. Пытаясь успокоиться, я начала сжимать кулаки, медленно считая до трех.

– Кого бы я ни наняла, это мое решение, *матушка*, – последнее слово я произнесла с особой медоточивостью, и на ее неизменно невозмутимом лице невольно проявился легчайший оттенок ярости.

– Я поговорю об этом с Ричардом, – заявила она, – и тем не менее я хочу, чтобы вы дали обещание сделать все

возможное ради успешного вынашивания этого ребенка. В настоящее время ваше поведение не внушает мне доверия. Вам необходимо больше отдыхать и заниматься... домашними делами. Вероятно, лучше заняться музицированием, чем галопировать по лесам, как Диана-охотница. У вас же прекрасный муж, и если вы будете вести себя, как подобает жене и матери, то Господь одарит вас. Я предпочла жить отдельно не для того, чтобы вы разыгрывали из себя принцессу в башне. Итак, я надеюсь, вы отобедаете со мной. Пожалуйста, одевайтесь и спускайтесь вниз.

Я слышала, как она начала спускаться по лестнице, и мысленно пожелала, чтобы наш портрет свалился со стены и придавил ее.

* * *

Ричард налил бокал красного вина и передал его моей матери. Темное, как рубин, оно имело цвет того, что трижды истекало из меня... удивительно красивый в своей яркости, он так прочно окрашивал простыни и матрасы, что их приходилось сжигать на костре. Избегая пьянящего винного аромата, я подняла лицо к оштукатуренному потолку столовой. Его украшала лепнина из множества вьющихся по всему потолку виноградных лоз, изобиловавших спелыми гроздьями, их листья сплетались, как любящие руки.

– Не хотите ли вина, Флитвуд?

– Нет, спасибо.

Ричард наполнил другой бокал для своего друга Томаса Листера, заехавшего к нам по пути в Йоркшир. Мы сидели вокруг камина, где тихо тлели поленья, исходящий от них жар и духота столовой навевали сон. Но окончательно не усыпили, позволив заметить жадный взгляд Томаса, скользнувший по кольцам на пальцах Ричарда, когда он вручал ему бокал. Его собственные, лишенные колец, пальцы, сжали бокал и, перехватив мой взгляд, он тут же отвел глаза.

По возрасту Томас был где-то между Ричардом и мной, а по благосостоянию – где-то между простым землевладельцем и нами. С первым он мог согласиться, но со вторым – никогда. Их с Ричардом объединяли другие жизненные моменты: оба они женились в один и тот же год; у обоих умерли отцы; оба унаследовали большие поместья и заботились о матерях и сестрах. Четыре года тому назад старшему мистериу Листеру стало плохо во время венчания сына, он потерял сознание в церкви, не дослушав свадебных обетов, и через несколько дней отошел в мир иной. Мать Томаса, так и не оправившись от горестной потери, жила с тех пор затворницей.

Я считала Томаса Листера странным, но довольно интересным мужчиной – он с трудом поддерживал беседу, предпочитая в основном слушать и помалкивать. На мир он смотрел большими, слегка навывкате глазами, но сам был по-женски маленьким и хрупким. Ричард говорил, что благодаря

такому телосложению он стал великолепным наездником и держится в седле прямо, как стрела.

Моей матери не удавалось найти общего языка с молодыми людьми: зато она легко заставляла их чувствовать себя детьми, и Томас, заикаясь, выдал вежливый ответ, когда она поинтересовалась здоровьем его матушки. Его спасло появление Эдмунда, помощника с псарни, он сообщил Ричарду, что с одной из ферм пришла женщина с новостями о собаке, загубившей овцу. В те дни мы разводили много овец; почвы на полях были слишком влажными для иного пользования.

Помедлив, Ричард поставил свой бокал и спросил?

– А чья эта собака?

– Она не знает, господин, – Эдмунд покачал головой, – обнаружила только, что эта псина носится вокруг, пугая все стадо. Она просила вас поскорее приехать.

Ричард быстро вышел. Местные жители частенько приходили к нам и рассказывали о своих печалях. Ричард был щедрым хозяином, давал им зерно в неурожайные годы и разрешал вырубать деревья для ремонта домов. В Падихаме жили две сотни семей, и с тех пор как мы поселились здесь, приходилось решать столько же проблем.

– Зачем вы едете в Йоркшир? – спросила моя мать Томаса.

Она старательно изображала радушную хозяйку, с удовольствием намекая на мою несостоятельность в этой роли.

– Я еду на судебное заседание. Великопостные ассизы¹⁰, – ответил Томас.

– Какое-то судебное разбирательство?

Поленья в камине затрещали, разгоревшись с новой силой. Я задумалась, надолго ли Ричард уехал; день клонился к закату, и за окнами скоро стемнеет.

Томас неловко сменил позу.

– Разбирательство убийства, – тихо произнес он, – обвинение выдвинуто против одной женщины, по имени Дженнет Престон.

Я слегка напряглась.

– Вы знаете ее? – спросила я.

– К несчастью, очень хорошо. – На его скулах проступили желваки. – Она долгие годы работала в нашем доме, но со времени кончины моего отца никак не может оставить нас в покое. Мы предоставили ей помощь и поддержку, но она, неблагодарная, требовала все больше и больше.

– И в чем же убийстве ее обвиняют?

– Ребенка.

Нас с матерью ненадолго объединило общее потрясение.

Томас мрачно уставился на языки пламени.

– Вы отстаиваете ее невиновность?

– Невиновность? – Томас резко взглянул на меня. – Ее вину. Она виновна в смерти сына другого слуги – младенца,

¹⁰ Ассизы – выездные сессии суда присяжных, созывались в каждом графстве не меньше 3 раз в год; дела слушались судьями Высокого суда правосудия.

ему еще и года не было, — жестоком и бессердечном.

Перед моим внутренним взором вдруг всплыло нежеланное воспоминание: застывшее тельце, два ряда крошечных ресничек, которые уже никогда не откроются. Закрыв глаза, я отогнала это видение.

— Почему же она решилась на это? — спросила я.

— Потому что ревнива и завистлива, — отрывисто произнес Томас, — ей не удалось совратить Эдварда, поэтому она забрала у него с женой самое дорогое. Она ведьма.

— Еще одна ведьма? — Моя мать резко подалась вперед, явно смутив Томаса. — Вы разве не слышали о последней гостье Рид-холла?

— А откуда вы знаете об этой гостье Рид-холла? — удивилась я.

— Мне Ричард рассказал. — Она пренебрежительно передернула плечом.

И жестом, и тоном она подразумевала, естественно, что он охотно разговаривает со своей тещей о всех важных делах. На самом деле она умела вытягивать сведения из людей, мгновенно улавливая их нерешительное или случайно брошенное замечание, и тогда уж принимаясь изводить их, точно собака, гоняющая овец. Ричард не стал бы сам рассказывать о деловых планах своего друга в графстве; должно быть, моя мать уже слышала об этом от кого-то другого и наверняка сумела задать нужный ей вопрос, пока он был занят и отвлечен другими делами.

— И кто же гостит в Рид-холле? — спросил Томас, переводя взгляд с моей матери на меня.

И она с удовольствием поведала ему о делах близко знакомого Томасу Роджера, а также и о том, что приключилось с торговцем Джоном Лоу по вине ведьмы Элисон Дивайс. Томас внимал ей с большим интересом.

В ее версии история, поведенная мне Роджером, предстала в сокращенном и не столь впечатляющем виде. И я с огромным удовлетворением не снизошла до того, чтобы поправить ее, а, чтобы она не поняла этого по моему самодовольному выражению, принялась увлеченно разглядывать затейливый фриз, украшавший верхнюю часть стен столовой. Русалки, дельфины, грифоны и самые разные причудливые создания, получеловеческой и полуживотной природы, взирали сверху в центр зала, словно мы собрались на каком-то грандиозном мифическом приеме. С тех пор, как я приехала в Готорп, этот великолепный фриз оставался моим любимым украшением особняка, и я могла подолгу ходить по столовой, разглядывая каждого персонажа, давая им имена и придумывая истории их жизни. Особенно мне понравились две осиротевших сестры, морские принцессы, повелевавшие волнами; и львиное войско, вооруженное щитами и изготовившееся к битве. Я видела, как с приближением вечера фриз покрывался тенями, придававшими его героям еще большую таинственность, а моя мать и Томас Листер все продолжали сплетничать, как две прачки. Мои веки начали

слипаться; во рту пересохло, голова заболела. До возвращения Ричарда мне придется сидеть в гостиной, но пока ничто не предвещало его прихода.

Но внезапно меня взбодрила одна мысль: пока моя мать гостит у нас, Ричард будет, наверное, спать вместе со мной, чтобы не возбуждать ненужного любопытства, поскольку ее глазки-бусинки не упускали ни единой подробности нашей жизни. Она еще ни словом ни намекнула, что видела выдвижную кровать, хотя Ричард, вероятно, разумно запер дверь в гардеробную.

Я слегка поправила валики в прическе, подумав, скоро ли наконец смогу вытащить их.

– Именно поэтому девица живет в доме Роджера Ноуэлла, – сверкая глазами, заявила моя мать, – он держит ее взаперти, чтобы она никому больше не причинила вреда.

– Неужели она во всем призналась?

– Так говорят.

– И Роджер полагает, что в наших краях есть еще ведьмы?

– Да, из той же семейки, – кивнув, подтвердила моя мать.

– Господи, мама! Можно подумать, что ты лично проходила мимо Джона Лоу, когда его проклинали, – заметила я.

Томас с задумчивым видом прижимал свой бокал к груди.

– Томас, не желаете ли полюбоваться на наших русалок? – предложила я. – На них стоит взглянуть поближе. Они просто великолепны, созданы двумя братьями, выполнившими всю отделку стен и потолков в Готорпе.

Будучи понятливым и воспитанным, он встал и направился к стене, а я, обращаясь к матери, прошептала:

– В этом доме не принято обсуждать дела Роджера Ноуэлла в стиле деревенских кумушек. Он наш друг. А теперь Томас донесет все твои домыслы до Йоркшира, хотя нам здесь вовсе не нужна такая слава.

– Я просто сообщила вашему соседу о том, – помрачнев, парировала моя мать, – что происходит в его округе. Уже скоро все и так будут знать, что в ваших краях злодействуют ведьмы. Ведь такова ужасная реальность. Разве неправильно говорят, что эти особы здесь совсем распустились?

– Я не обращаю внимания на слухи, меня они не волнуют. И, кроме того, я сомневаюсь, что распущенность равносильна злодеянию.

– Да, мастерская работа, – вежливо оценил Томас, оглянувшись в нашу сторону, – на редкость затейливая композиция. Превосходные мифологические образы. – Он заметно разволновался и явно не собирался возвращаться в свое кресло. – Пожалуй, мне пора опять трогаться в путь, пока еще не совсем стемнело. Вероятно, по дороге в Йоркшир я еще загляну в Рид-холл.

– Тогда вам придется сделать крюк миль в десять, – заметила я, – ведь Рид-холл в другой стороне.

Томас взял свой плащ.

– Передайте мой поклон Ричарду.

Он поспешно покинул гостиную, и звуки его шагов эхом

разнеслись по коридору. После краткого молчания я тоже удалилась под предлогом того, что мне пора прилечь и отдохнуть.

В нашей спальне уже горели свечи, и я, стоя перед зеркалом, вытащила из прически валики. Тусклые и истонченные пряди волос рассыпались по плечам, и я принялась старательно расчесывать их. Подойдя к окну, чтобы закрыть шторы, я увидела в стекле силуэт Ричарда, он стоял на пороге спальни.

– Сегодня вы будете спать здесь? – спросила я.

– Полагаю, да.

Я повернулась к нему, и у меня вдруг екнуло сердце.

Руки его покраснели от крови. Она покрывала его дублет, кровавые брызги также попали ему на лицо и испачкали руки до локтей.

– Что произошло?

– Я распорядился принести воды.

Он попытался вытереть руки о рукава, но кровь уже засохла. Пальцы вокруг ногтей побурели.

– Чертовщина какая-то, – продолжил он, – мне еще не приходилось видеть собаку, чье поведение так напоминало бы волчье.

Подойдя к кровати, я села на нее и сбросили туфли.

– Это же невозможно. В наших краях уже много лет не видели волков.

Мне подумалось, что сегодня ночью мы опять будем спать

обнявшись и он согреет меня своим теплом. Может даже, я, как раньше, пробегу пальцами по его спине. А, может, он даже поцелует меня, и я вновь почувствую твердость его копья. Даже если бы мы никогда больше не спали вместе в одной кровати, я никогда не забуду мягкий жар его торса под кончиками моих пальцев. Но внезапно я вспомнила о тайном письме, и мои мечты рассеялись.

– Неужели овца сдохла? – спросила я, повернувшись спиной к Ричарду, чтобы он распустил шнуровку корсета.

– Нет. Мне самому пришлось добить ее.

– А собака? Какой породы?

– Не знаю, просто лохматая коричневая дворняга. Она убежала, я не успел поймать ее. Потом я еще пытался выяснить, чья это могла быть собака.

– А я наняла повитуху, ту девушку, которая спасла меня.

– Правда? Как ее зовут? Значит, она повитуха?

– Алиса. Она очень опытная, – добавила я, избегая его взгляда, – надеюсь, вы не будете возражать... я предложила ей взять на время одну из лошадей с нашей конюшни, пока она будет навещать меня.

– Не одного из моих рысаков?

– Нет, серую упряжную кобылу. Она уже довольно старая. Ричард... – я помедлила, подавляя волнение, – а теперь вы снова будете всегда спать со мной?

– Многие супруги спят в отдельных комнатах, в этом нет ничего необычного, – спокойно ответил он.

– Но ведь положено...

– Глупости. Кроме того, вы уже ждете ребенка. И нам все равно не удастся зачать второго.

Но я уже не слышала его, поскольку сняла сорочку. Тонкая красная струйка стекала по моему бедру. Я приложила к ней палец, чтобы остановить, и панический страх навалился на меня, как грозовая туча. Закрыв глаза, я начала молиться.

Глава 6

Ричард тихо похрапывал, а мне не спалось, я лежала рядом с ним, неподвижная, как бревно. В конце концов, поднявшись, пошла прогуляться по большой, залитой лунным светом галерее. В доме стояла тишина, а полированные половые доски поблескивали, словно снег. Я тихо ходила взад-вперед, с востока на запад и обратно, и половицы тихо поскрипывали под моими ногами. В спальню я вернулась перед рассветом. Не раз еще я рассматривала высохшую струйку крови, она постепенно растерлась по моей коже, показывая, что же произошло, вернее начало происходить, но прекратилось. Быстро опустив ночную рубашку, я не дала Ричарду возможности что-то заметить, тем более что он старательно смывал с себя овечью кровь. Ее запах доносился и до кровати, и я невольно испытала отвращение и страх, точно один только запах крови мог вызвать кровотечение и у меня.

Алиса говорила, что несколько дней она будет собирать травы, способные укрепить мои силы, но мне казалось, что с тех пор прошла уже целая вечность, поэтому нынешним утром, пока все завтракали, я отправилась выгуливать Пака, дав ему возможность побегать. Я не могла есть, мне казалось, что в животе у меня опять копошатся угри, но на сей раз, правда, только от беспокойства. Мы вышли из дома и, свернув направо, направились по дорожке вдоль газона к реке,

мимо большого амбара и служебных построек. Почуяв запах Пака, гончие на псарне дружно заливались глупым лаем. Не обращая на них внимания, он продолжал спокойно обнюхивать углы и стены. Иногда меня брало сомнение, знал ли он о своей собачьей природе. Я раздумывала также, помнит ли он, какие испытания отягощали его щенячью жизнь до того, как я выкупила его, и надеялась, что он ничего не помнит.

– Доброе утро, госпожа, – приветствовали меня попадавшие навстречу фермеры и подмастерья, нагруженные орудиями, веревками и разнообразной утварью, о назначении которой я не имела ни малейшего представления.

– Доброе утро, – отвечала я, продолжая прогулку.

Наш особняк и все надворные постройки скоро исчезли за деревьями, скрывшими их, как зеленая драпировка. Вокруг прогулочной аллеи, уводящей нас от Готорпа, шелестела листва, и я следила за тем, как Пак носится по лесу, принюхиваясь к земле, с завидным рвением обследуя каждый куст и мелькая между стволами деревьев.

Мы прошли уже с четверть мили, когда я увидела впереди двух приближающихся к нам всадников. Отойдя к краю аллеи, я остановилась, вскоре узнав в одном из них крупную фигуру Роджера. Когда они подъехали ближе, он сказал что-то своей спутнице – женщине в простом шерстяном платье. Даже при моей близорукости я разглядела, что это не его жена Кэтрин. Спешившись, Роджер приблизился ко мне, держа в поводу свою лошадь, которая, как я заметила, была при-

вязана также к его попутчице. Ее тонкие белые запястья обхватывали наручники, веревка от которых и тянулась к поводьям. Значит, пленница. Будучи мировым судьей, Роджер часто возил преступников по графству, а иногда переправлял их в тюрьму Ланкастера. Невольно задержавшись взглядом на ее связанных запястья, я не сразу обратила внимание на печальное лицо молодой женщины, на ее тонкие губы и умные темные глаза, взиравшие на меня с какой-то враждебной гордостью.

– Госпожа, мне приятно видеть, что вы решили прогуляться в такой чудесный день. Похоже, свежий воздух вам на пользу.

– Вы к нам в гости? – спросила я, протягивая ему руку для поцелуя.

– Увы, визит сегодня иного рода... скорее, по сути, приглашение для Ричарда. Он дома?

– Да.

– Свободен ли он нынче утром?

– По-моему, через час он выезжает в Манчестер, – солгала я, – собирается в дорогу.

Нет уж, я постараюсь сделать все возможное, чтобы Роджер не уехал, оставив меня наедине с матерью.

– А у вас все в порядке? – вежливо поинтересовалась я.

Он вновь кивнул. Но мне показалось странным, что он не представил свою спутницу.

– Очень жаль, – сказал он, – я как раз сейчас направляюсь

в Эшлар-хаус.

– К Джеймсу Уэлмзли?

– Именно. Мне подумалось, что Ричарду могло быть интересно составить мне компанию... я проведу там два допроса, и был бы признателен ему за поддержку. – Он склонился ко мне. – Вашего мужа, дорогая, ждут великие дела. Вспомните мои слова: дожив до моих лет, он многого достигнет в государственном управлении, и я собираюсь помочь ему на первых порах. Я в свое время не имел таких родовых преимуществ, как у него – ведь его дядюшку уважали при дворе. Однажды я представлю Ричарда ко двору, и мне хотелось бы, чтобы он принял участие в нынешних событиях в Пендле. Это поможет ему снискать благоволение короны. Я доверяю его мнению, как и господин Уэлмзли, но сегодня нам придется обойтись без него.

Он оглянулся на свою попутчицу, чье молчаливое присутствие производило странно пугающее впечатление.

– Я слышал, вы наняли акушерку, – неожиданно сказал Роджер.

– Наняла, – удивленно прищурившись, подтвердила я, недоумевая, откуда он мог узнать об этом.

Ведь Ричард не виделся с ним с последней нашей охотничьей вылазки.

– Очень разумно, – просиял Роджер, – будем надеяться, что еще до конца года в Готорпе появится наследник. В прошлый раз вам помогала та же женщина? Из Уигана?

Я вдруг осознала, что из-за исходящей от его спутницы явной враждебности мне трудно сосредоточиться.

– Нет, – помедлив, ответила, – она из наших мест.

– Дженифер Барли? В свое время она приглядывала за Кэтрин.

– Нет. Девушку зовут Алиса, она из Колна.

И тут произошло нечто странное. При упоминании имени Алиса, спутница Роджера вдруг резко дернулась, напугав свою лошадь. Я взглянула на нее и быстро опустила глаза, заметив ее пристальный, устремленный на меня взгляд, исполненный какого-то зачаровывающего понимания.

– Надо будет придумать к вашим родам подарок, – заметил Роджер.

Он как ни в чем не бывало продолжал разговор, словно его совершенно не волновало присутствие пленницы. Он выглядел очень даже довольным.

– Что же можно подарить женщине, у которой есть все?

– А кто же ваша спутница, Роджер? Не могли бы вы представить ее мне?

– Пожалуйста, – сказал он, – познакомьтесь с Элисон Дивайс.

Сердце мое взволнованно забилося, по спине побежали мурашки. Получается, что Роджер открыто вывез на прогулку ведьму из Пендла, заехав и к нам в Готорп. Гордый взгляд Элисон подсказал мне, что она все понимает, и я почувствовала укол сострадания.

– Пусть вас не смущает ее наряд... это платье Кэтрин. Элисон жила у нас последние несколько дней. А теперь мы едем в Эшлар-хаус, чтобы повидать кое-каких ее родственников, – бодро произнес он, возвращаясь к цели своей деловой поездки.

Девушка не произнесла ни звука, лишь глаза ее злобно сверкнули. Молчаливую паузу вдруг прорезал донесшийся из леса пронзительный крик грача, и порыв ветра взметнул ветви ближайших деревьев.

– Передайте Ричарду мои наилучшие пожелания. Вы не забыли, что через неделю в пятницу ужинаете у нас в Риде? Кэтрин с нетерпением ждет встречи с вами.

– Ваше приглашение большая честь для нас.

Сделав легкий реверанс, я осмелилась еще разок взглянуть на Элисон Дивайс, она сидела в седле недвижимо, словно статуя, устремив пристальный взгляд вдаль. Приподняв шляпу, Роджер вскочил в седло. Я проводила их взглядом, заметив, как блеснули кольца на пальцах Роджера, махнувшего на прощание рукой. Тогда я позвала Пака и направилась обратно, в сторону дома.

* * *

Наступил последний день Великого поста, и, поскольку наша кухарка отлично запомнила, что моя мать не слишком любила рыбу, к обеду нам подали сырные пироги с картош-

кой, фрукты, хлеб и пиво. Я пощипывала мелкие кусочки и корочки, но уже так привыкла есть мало, что редко испытывала чувство голода.

Моя мать неодобрительно относилась ко всем нашим слугам, за исключением кухарки. Она считала их грубыми и неблагодарными и заявляла, что со временем у нас обязательно начнут пропадать шелка и столовое серебро. Иногда я даже подумывала, не забыла ли она, что гостит вовсе не в моем доме. Мне казалось, она скучала по временам своего владычества в Бартоне, где содержался роскошный штат слуг по сравнению с ее нынешним скромным манором. Первые годы мы с Ричардом обычно тайно величали ее Глорианой¹¹ манора, ведь, прибывая после нашей свадьбы к нам в гости, она упорно пыталась руководить нами, словно мы оба были ее малыми детьми. В детстве мне не с кем было пошутить и повеселиться. Порой мы с Ричардом даже забывали о набранной в рот еде, когда она произносила вдруг нечто вроде «Право, Ричард, я еще не знала мужчин, увешанных, как вы, таким обилием драгоценностей» или «Вам следует заказать для подачи вина бутылки с вашим гербом – нынче это в моде, знаете ли. В Йоркшире уже многие обзавелись такими графинами».

А сегодня она решила поднять вопрос о гербах над ками-

¹¹ Глориана (от англ. *gloria* – слава) – одно из славных имен, данных благодарными подданными королеве Елизавете I; под именем божественной Глорианы ее воспел в «Королеве Фей» знаменитый английский поэт Эдмунд Спенсер (ок.1552–1599).

НОМ.

– Ричард, я вижу, что на ваших гербах над камином еще не добавлено имя моей дочери, – заявила она, имея в виду пять квадратных деревянных резных панелей с именами разных членов рода Шаттлвортов.

Резные инициалы Ричарда украсили четвертую панель еще до нашего венчания. Он намеревался вызвать резчика, чтобы добавить к своим и мои инициалы, да пока не нашел времени, поэтому пока буквы «R» и «S» выглядели одиноко, ожидая моей компании. Воспринимая сие обстоятельство как оскорбление, моя мать, естественно, не могла его стерпеть, словно эта деревянная панель была единственным свидетельством моего существования, а не просто украшением интерьера.

– Мама, это не самое срочное дело, – возразила я.

– Разве четыре года не достаточно долгий срок?

– Я непременно добавлю этот пункт в постоянно растущий список насущных дел, – доброжелательно ответил Ричард.

Мать решила, что уедет завтра, в Светлое Христово Воскресение, и мы все вместе отправились в церковь. Возможно, мне показалось, но накануне вечером я почувствовала, что моя талия округлилась. Сидя на субботней службе и глядя на свои аккуратно сложенные на коленях руки, я размышляла, где же может пропадать Алиса Грей и чем она вообще занимается. Местные прихожане разглядывали меня несколь-

ко дольше обычного; я понимала, что выгляжу не лучшим образом. Последнее время я предпочитала носить черное... лишь на фоне черных платьев мое посеревшее и тусклое, как дождевые облака, лицо, выглядело более светлым. Появление моей матери также привлекло дополнительное внимание. Она хранила на лице выражение смиренного равнодушия, но я знала, что душа ее урчала, как довольная кошка.

Во время службы, внимая голосу священника, я подняла взгляд над рядами шляп и чепцов, поискав золотистые локоны, но, увы, таковых не нашла. Зато перехватила взгляд молодой женщины, сидевшей наискосок от меня на одной из соседних скамей, под ее добротным теплым плащом явно выделялся округлый живот. Она разглядывала меня в откровенной дружелюбной манере, свойственной простым селянкам, ее взгляд, казалось, говорил: «У нас с вами одна участь». Но она ошибалась, и я предпочла быстро отвести глаза.

Чувствуя, что мои руки совсем заledenели, я сунула их под себя и сидела на них, пока они вконец не онемели. Сегодня утром меня опять мучили приступы тошноты, навязчивые и непрошеные. Колн находился в нескольких милях отсюда, и там был свой приход, поэтому вряд ли Алиса захаживала в церковь Святого Леонарда. Но она работала в пивной «Рука с челноком» меньше чем в миле отсюда; осмелюсь ли я проявить нетерпение и навестить ее там? Я приглашала ее зайти к нам в Страстную пятницу, но она сказала, что

сможет прийти только после Пасхи.

Через несколько скамей от нас сидел аптекарь вместе со своей семьей, его безмятежное лицо обращалось к кафедре, как цветок к свету. Выращивала ли Алиса травы сама или покупала в его лавке? И если покупала, то будет ли она благоразумно сдержанна? Джон Бакстер, младший приходский священник, обладал высоким, ясным голосом, звонко возносившимся под своды храма и изгонявшим пустынный мрак из всех углов.

– «...Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, – провозглашал он, – ибо давно желал видеть Его, потому что много слышал о Нем и надеялся увидеть от Него какое-нибудь чудо...»¹²

На кафедре перед ним лежала новая Королевская Библия¹³, которую мы купили для него в Лондоне. Я тогда впервые попала в типографию, разместившуюся в высоком и узком, как шкаф, доме в деловом центре. По окрестным улицам носились мальчишки-разносчики с корзинами на головах, словно мы попали в древнюю Галилею. Зайдя в ту типографию, я словно попала в некий совершенно особый мир, пропитанный знаниями, насыщенный запахами бумаги и чернил, но отчасти похожий на какую-то пыточную камеру с огромными скрипучими хитроумными приспособлениями

¹² Евангелие от Луки, глава 23, ст. 8.

¹³ Имеется в виду перевод Библии на английский язык, выполненный под патронажем короля Англии Якова I и выпущенный в 1611 г.

из дерева.

– «...Первосвященники же и книжники стояли и усиленно обвиняли Его. Но Ирод со своими воинами, унизив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату»¹⁴.

Эту новую Библию издали в прошлом году, и мы приобрели три экземпляра: один для дома, второй для церкви, и третий для матери Ричарда. Все книги были красиво отделаны, с золотым обрезом и тонкими, как цветочные лепестки, страницами.

– «...Но они кричали: распни, распни Его! Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? Я ничего достойного смерти не нашел в Нем; итак, наказав его, отпущу. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят»¹⁵.

Джон Бакстер был стар, его пергаментное лицо цветом напоминало листы Библии, однако голос его звучал с молодой мощью над покашливающими, шаркающими и шепчущими младенцами-прихожанами. Я почувствовала странную легкость в голове, словно вдруг превратилась в песочные часы, которые настала пора перевернуть.

– «Ибо приходят дни, в которые скажут: «блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!» Тогда начнут говорить горам: «падите на нас!» и холмам:

¹⁴ Там же, ст. 10, 11.

¹⁵ Там же, ст. 21–23.

«покройте нас!»¹⁶.

Я почувствовала, как мать рядом со мной нервно поежилась, и наши юбки соприкоснулись. Из-за тугого корсета я с трудом дышала, на шее пульсировала набухшая жилка. В голове царил полнейшая пустота, и мне подумалось, что она сейчас отделится от шеи и, точно перышко, воспарит под церковные своды.

Джон Бакстер призвал нас подняться, и толпа прихожан встала со скамей, увлекая меня за собой, очертания кафедры затуманились и поплыли. А потом все поглотила тьма.

* * *

На следующее утро, предпочтя не ждать у окон прихода Алисы, я решила присоединиться к Ричарду на лужайке, где он приучал к охоте своего нового сокола. С отъездом матери грозовая туча рассеялась, но ее заменило более привычное мне пасмурное настроение. Осторожно пройдя по влажной траве к стоявшему около лестницы Ричарду, я тихо остановилась за его спиной, чтобы не напугать птицу, шнуром привязанную к его запястью. Ослепленная колпачком, она в смятении летала над нами, привлеченная запахами куриного мяса, исходившего из сумки, висевшей на бедре Ричарда. Обучение ловчих птиц было настоящим искусством, и

¹⁶ Там же, ст. 29, 30.

Ричард уже мастерски освоил его. Пощелкав языком, он потянул за шнур, и сокол начал спускаться, сужая круги, пока не опустился прямо на его перчатку. Тогда он бросил соколу кусочек мяса.

– Мне так и непонятно, почему вы сами занимаетесь обучением, позволяя сокольничему бездельничать, – призналась я, – удивительно: как вам только это не надоест?

– Но такое занятие доставляет мне большое удовольствие, – спокойно ответил он, – и, кроме того, птица всегда будет слушаться вас только в том случае, если вы сами пройдете с ней весь путь обучения. Преданность заслуживают, а не требуют.

Вновь слетев с его руки и быстро достигнув конца привязи, птица испуганно заверещала.

Эту охотницу отловили в Турции. Если она будет продолжать так истошно кричать, то не надо будет привязывать ей никаких бубенцов.

– Наверное, она ругается на вас, – поддразнила я.

– Я не знал, что вы знакомы с турецким языком.

– Вам еще многое предстоит узнать обо мне.

Мы обменялись улыбками, и мои тревожные мысли вновь всплыли в голове. Я попыталась отделаться от них.

– Вас что-то беспокоит? – поинтересовался Ричард.

Как просто было бы пойти и достать то злосчастное письмо из ящика комода!

«Скажите, почему вы скрыли его от меня, – могла бы

спросить я, протянув ему письмо, – скажите мне, что все это неправда».

Но я лишь покачала головой и попыталась опять сосредоточиться на птичьих полетах.

– Роджер пригласил нас в пятницу на обед, – сказала я.

– Да, он говорил мне, что встретил вас на прогулке. Он заезжал сюда со своей ведьмой?

– Она показалась мне на редкость странной. Не знаю, что меня больше успокоило – безразличие Роджера к ее присутствию, или она сама. Однако она ведь, должно быть, опасна, иначе он не надел бы на нее наручники. И зачем вообще Роджер притащил ее к нашему дому?

– Он сделал ее своей постоянной спутницей. Пока она у него на глазах, он занимается королевскими делами. Не сомневаюсь, что он избавится от нее, добившись от нее нужных ему признаний.

– По-моему, вы считаете вашего друга слишком ожесточенным и бессердечным.

– Дорогая, ваши взгляды еще слишком невинны и простодушны, – искоса глянув на меня, возразил он и добавил, мягко коснувшись пальцем кровоподтека, расцветшего на моем виске: – видимо, вы сильно ушиблись.

– Зато этот синяк добавляет колорита моему наряду. Но более всего пострадала моя гордость... ведь я хлопнулась в обморок на глазах всего прихода.

– Наверное, нам лучше ограничить пока ваши перемеще-

ния домашними стенами. Сначала вы упали с лошади, а теперь еще потеряли сознание в церкви. Что же нам с вами делать?

К дому за нашими спинами подвезли бочки с вином, их уже закатывали в погреб по каменному желобу. Внимание Ричарда вновь вернулось к птице, и я, проследив за его взглядом, восхитилась ее блестящими когтями и плавными взмахами ее крыльев и, конечно же, сдерживаемым привязью полетом. После нескольких месяцев обучения, для начала ей предложат в качестве добычи тушку зайца, набитую живыми цыплятами, далее ей придется поймать зайца со сломанной лапкой. Где, интересно, я буду к тому времени, когда она вылетит на свою первую настоящую охоту? Может, упокоюсь на церковном кладбище?

Сокол с пронзительными криками пролетал над нами, и взмахи его крыльев перемежались с отдаленным стуком копыт. Ричард призвал птицу обратно на перчатку, и именно в тот момент у меня впервые возникло абсолютно новое ощущение: я почувствовала шевеление ребенка. Я совершенно безошибочно ощутила его, однако оно прекратилось еще до того, как я осознала случившееся. Это произошло так быстро, что мне подумалось, уж не разыгралось ли мое воображение? Правда, однажды я уже испытывала такое ощущение: словно я превратилась в бочку с водой и во мне плавала рыба. Я схватила Ричарда за руку, все мое существо исполнилось ликования.

– Что с вами, Флитвуд, хорошо ли вы себя чувствуете?

– Да, – солгала я, – малыш... я почувствовала его шевеление.

– Но это же чудесно! – просиял он, и я невольно ответила ему широкой улыбкой.

Птица нетерпеливо взмахивала крыльями, и мои радостные мысли рассеялись, не успев угнездиться в памяти.

– Алиса, должно быть, уже направилась к нам... пожалуй, я поеду встретить ее на колнскую дорогу.

– Ваше запястье уже достаточно окрепло для езды?

– Почти как новое. – Я показала ему перевязанную руку.

* * *

Радуюсь свежему воздуху, я ехала вдоль реки по лесистому берегу, и с каждым шагом лошади осознавала, как мои мысли о собственной жизни начинают менять направление и отдаляться, сменяясь размышлениями о жизни Алисы. Ведь я так мало знала о ней. В тот день, когда она спасла меня и мы уже приближались к крыльцу нашего дома, я спросила ее об отце, и Алиса сообщила мне, что он болен и не может работать. Интересно, крепки ли между ними родственные связи, или Алиса мечтает выйти замуж и тоже уехать из родного дома?

Судьбы бедных девушек разительно отличаются от судеб богатых, которым, точно откормленным к Рождеству индей-

кам, остается лишь сидеть по домам в ожидании прибытия неведомого мужа. Бедные девушки могут сделать собственный выбор, вероятно, даже на равных с мужчинами: их внимание, к примеру, может привлечь сосед или продавец в лавке, где они каждую неделю покупают мясо. Я попыталась представить Алису рядом с мужчиной – как она ласкает его лицо длинными белыми пальцами, как он склоняет голову к ее золотистым волосами... и не смогла.

Лес поредел и расступился перед широким лазурно-голубым окоёмом, впереди, точно свежее бельё на постели, расстилались зеленые холмы. За речной излучиной мне пришлось свернуть с холмов, опять углубившись в Хэгтвуд, предназначенный для вырубki лес. Стук лошадиных копыт стал тише, и вскоре я увидела впереди на поляне две фигуры – женщины в буроватого цвета платьях и белых шапочках. Они пока не замечали меня. Я слегка натянула поводья, лошадь замедлила шаг, и тогда я узнала в одной из них Алису, ее громкий и сердитый голос разносился между деревьями. Соскользя с седла, я молча пошла к ним навстречу по мшистой земле и остановилась за деревом, откуда смогла лучше разглядеть вторую женщину.

Такое уродливое лицо я видела впервые в жизни... оно казалось пугающе страшным. Очевидно, она жила в бедности. Мешковатое и бесформенное платье она сшила, похоже, сама из какой-то дерюги, оно лишь уродовало очертания ее худосочной фигуры. Но особую тревогу вызывали ее глаза:

они располагались на ее лице на редкость нелепо, совсем не так, как у обычных людей. Один глаз, расположенный выше, смотрел вверх на листву окружавших ее деревьев, а другой, расположенный ниже на ее щеке, обозревал древесные корни. Лучше или хуже она все же видела благодаря такой особенности. Открыв рот и слегка высунув язык, она слушала Алису, ее тихий и в то же время резкий голос.

Мне не удавалось разобрать слов, но когда я подалась вперед, то вздрогнула, заметив, как кто-то движется ко мне. Из-за деревьев появилась тощая коричневая собака с всклокоченной, свалявшейся шерстью и, обогнув меня, потрусила к разговаривающим женщинам, но они не обратили на нее ни малейшего внимания. Тогда, пробежав между ними, она опять скрылась в лесу. Наверное, она пришла вместе с этой уродливой особой. Я уже подумала, что лучше уйти, пока меня не заметили, но тут Алиса шагнула в ту сторону, где прятались мы с лошадью, и я замерла. И тогда раздался скрипучий и дребезжащий голос второй женщины, видимо, она высказывала какие-то предостережения или указания.

Где-то вдали залаяла скрывшаяся в лесу собака, и ее хозяйка быстро оглянулась, но перед этим успела бросить в мою сторону – напугав меня до жути – взгляд своих дико странных глаз. По всему моему телу побежали мурашки, и я лишь надеялась, что сквозь листву мое зеленое платье трудно заметить. Она опять сказала что-то Алисе и, развернувшись, с трудом поплелась вслед за собакой, продолжая бор-

мотать себе под нос.

Алиса еще немного постояла на полянке, и я заметила, как сжимаются и разжимаются ее кулаки. Потом она поежилась и, обхватив себя руками, растерла плечи... она выглядела такой хрупкой и уязвимой, что мне стало стыдно за то, что я тайно наблюдала за ними. Алиса быстро пошла в другую сторону, прямо к реке.

Странно, но я нигде не заметила ее лошади, не слышала также и стука копыт по лесной дорожке. Не зная, как лучше поступить, я поглядывала ей вслед, а потом забралась в седло и, пустив лошадь легким галопом, поскакала к дому короткой дорогой. Запыхавшись, я спешила у крыльца, обернулась, окинув взглядом подъездную дорогу, и вскоре увидела ее ссутулившуюся фигуру, она быстро шла от реки, появившись из-за деревьев в восточной части парка. Ее походка отличалась уверенной грацией, она ловко, как кролик, пробежала по лужайке перед домом, согнувшись от встречного ветра. Она не надела даже плаща. Лицо ее хранило мрачное выражение, она выглядела явно встревоженной.

– Где же твоя лошадь? – сразу спросила ее я.

Она помедлила с ответом, услышав собачий лай с той стороны, откуда пришла. И рассеянно оглянулась.

– Алиса?

Входная дверь открылась, и на крыльцо вышел Ричард.

– Какая радость, две дриады вернулись из леса. Добрый день, мисс Грей.

– И вам того же, сэр, – кивнула Алиса, опустив глаза.

– Надеюсь, вы хорошо заботитесь о моей жене?

Алиса вновь кивнула.

– Флитвуд, вы полагаете, ваша лошадь сама вернется в конюшню? – спросил Ричард.

Собравшись с силами, я взяла поводья, готовая еще немного прогуляться до конюшни, но Ричард остановил меня.

– Возможно, ваша повитуха сумеет отвести ее.

Я взволнованно глянула на Алису, она выглядела расстроенной и была бледнее, чем обычно.

– Если ты, разумеется, не против? – обратился к ней Ричард.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.